

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

КОСТРОМСКАЯ
СМЕРЬ

1993
№ 5

Этот номер журнала мы условно назвали «Дерево». Он возник из желания познакомить читателей с народными обычаями, традициями, обрядами, грядущим кругом народных праздников — прекрасных, поэтических и одновременно практически необходимых в крестьянском быту. Может быть, потому, что традиционность и обрядовость народной жизни были своеобразной колеей, не дававшей свернуть с истинного пути, и была сильна русская деревня?

Мы публикуем работы костромских этнографов и краеведов, изучавших народную жизнь в конце XIX — начале XX веков, когда веками создававшийся уклад еще не был нарушен.

Крестьяне Солигаличского уезда. Фото С. А. Орлова. 1910-е годы.

«Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком...»

Н. М. КАРАМЗИН.

АК ностальгически еще в XIX веке писал историк. Стремление сохранить традиции народной культуры уже в начале XIX века вызвало к жизни попытки отдельных исследователей изучить и описать быт, уходящие обряды и обычаи народа в различных местностях России. Примером тому в Костромской губернии могут служить труды ученого протоиерея Михаила Яковлевича Диева¹. Он собирал и записывал легенды и предания, поверья и поговорки, скороговорки и пословицы, описывал обряды и обычаи. «Без сомнения», писал он, — нынешние обычаи есть благоденственное наследство предков наших, отпечаток их чувствований и мыслей, перед потомством отчет долго временного мышления и опыта, глагол ума твердого и глубокого, связь прошедших времен с настоящим»².

Священник Михаил Диев, как и многие другие, был исследователем одиночкой. В 1885 году возникла Костромская губернская ученая архивная комиссия — союз исследователей, объединенных общей целью: спасти памятники старины. Членами комиссии были дворяне, священники, педагоги, статистики, городской голова, начальник жандармского управления и даже крестьяне.

В 1899 году Архивная комиссия поставила задачу собрать материалы по этнографии и обычному праву в губернии. Была выработана специальная программа из 27 вопросов, ответы на которые позволяли собрать сведения об обычаях при рождении и крещении детей; обрядах, наговорах на свадьбах и похоронах; народных играх и гуляньях, поверьях о колдунах и оборотнях, легендах и преданиях о святых иконах и о прошлом и т. д.³

Программа была напечатана в Костромских епархиальных ведомостях, без малого тысячу экземпляров ее разослали во все уголки губернии учителям земских и церковно-приходских школ.⁴ Надежды возлагались именно на учителей и священников: они жили в крестьянской среде и нередко той же самой жизнью, ближе всех и непосредственнее знали народ и к тому же были в деревне самыми грамотными.

С 1899 по 1901 гг. в Архивную комиссию поступило свыше 190 ответов на вопросы программы. Как правило, корреспонденты отвечали на вопросы выборочно, наиболее подробно описывая народный говор, свадебные обряды, верования в нечистую силу. При сылали записи легенд, заговоров, преданий, народных молитв и медицинских рецептов.

Разбирал и описывал собранный таким образом в Архивной комиссии материал Владимир Алексеевич Андроников.⁵ Эти документы частично сохранились в Государственном архиве Костромской области в фонде Костромской губернской ученой архивной комиссии⁶. Подробно же их описал В. А. Андроников в докладе «О материалах по этнографии Костромского края, собранных местной ученой архивной комиссией. Живая старина в Костромской губернии» (Кострома, 1902).

Позднее, используя собранные материалы, В. А. Андроников опубликовал ряд прекрасных работ по этнографии Костромского края⁷.

Работу, начатую Архивной комиссией, продолжило созданное в 1912 году Костромское научное общество по изучению местного края (КНО). В его состав в 1918 году на правах историко-археологической секции вошла и Архивная комиссия.

Первое издание КНО Программа для собирания этнографических предметов (Кострома, 1912) — давала возможность всем интересующимся этнографией собирать материалы, обрабатывать их, объясняя значение и ценность тех или иных предметов.

Годы НЭПа для научных краеведческих обществ были самыми тяжелыми. Государство сняло их с бюджета, труд сотрудников был бесплатным. Тем не менее, председателю общества Василию Ивановичу Смирнову⁸ удалось создать в 1922 году Этнографическую станцию, он стал ее заведующим. Ни он, ни сотрудники станции денег не получали — ни на зарплату, ни на научную работу.

Лидия Сергеевна Китицина, жена В. И. Смирнова, этнограф и археолог, в воспоминаниях об этом времени описала работу станции: «Свою работу Этнографическая станция вела в направлениях антропологическом, этнографическом и археологическом и за семь лет своего существования собрала обширный и разнообразный материал. Разносторонность работ станции при малочисленном ее штате (заведующий и два сотрудника) заставляла привлекать к делу собирания материала целый ряд лиц из студентов, сельских просвещенцев и крестьян. Создалась сеть корреспондентов, которые снабжались инструкциями и программами этнографического характера, издаваемыми обществом и самой станцией.

Основным способом изучения населения края были ежегодно организуемые экспедиции, которые охватывали самые разнообразные темы матери-

Живая старина в Костромской губернии

альной и духовной культуры, как-то: жилище, одежда, пища, средства перевозки и передвижения, сельскохозяйственные орудия, изобразительное искусство, промыслы (шерстобитно-валяльный, шорный, ткацкий, гончарный, резной, рыболовный и др.). Одновременно сотрудники станции вели наблюдения над языком»⁹.

Программа — сбор материала и его обработка — публикация. Такова была примерная схема деятельности Этнографической станции. За время существования научного общества были изданы четыре этнографических сборника, отдельные работы и этнографические очерки М. М. Зимина и В. И. Смирнова.

Удивительным сегодня кажется то, что практически при полном отсутствии денег Этнографической станции удавалось публиковать свои труды, собирать коллекции, организовывать экспедиции.

Экспедиции были, как правило, в близлежащие районы, например, по территории Костромского уезда — денег на транспорт и питание для сотрудников тоже не было. Л. С. Китицина вспоминала, что во время одной из таких экспедиций она и Елена Михай-

ловна Полянская, сотрудница станции, делавшая помимо всего прочего прекрасные зарисовки материала, питались одним толокном в течение недели.

Многие предметы этнографического характера приобретались для музея бесплатно. Крестьяне просто дарили их. То, что купить было невозможно по причине дороговизны, но необходимо было для научных коллекций и для изучения, просто зарисовывалось.

Отсутствие средств на организацию экспедиций, желание собрать разнообразный материал и охватить наблюдением, изучить различные местности губернии привели костромских этнографов на базар.

«Базар» — тема благодатная. Она давала возможность определить характер данного базара, его оборот, установить экономически тяготеющие к нему районы, определить род и количество товаров, привозимых и вывозимых — все это было безусловно важным для историков — краеведов. Но, что особенно важно, это была хорошая возможность собрать для изучения предметы материальной крестьянской культуры: орудия труда и быта, одежду, средства перевозки, деревянную резьбу, орнаменты, вышив-

ки, устные рассказы о ремеслах — все, что так наглядно характеризует крестьянский быт и воплотившиеся в этих вещах представления русского крестьянства о красоте. Наличие собранных материалов давало возможность исследовать крестьянскую культуру как вид деятельности, как воплощение в крестьянской жизни картины мира, ее традиционность и новаторство, влияние городской культуры на крестьянскую и т. д.

Работа на базаре была начата сразу же после создания станции, в 1922 году, членом общества Н. А. Калиткиным. Он сделал первые сборы на костромском базаре. Потом в течение трех лет по зимам он собирал орнаменты шитья костромского полушубка, зарисовывая их с полушубков приезжих крестьян и торговцев. В результате этой работы появился специальный выпуск Трудов КНО — альбом народных орнаментов и орнаментов шитья костромского полушубка¹⁰.

В предисловии к своей работе Н. А. Калиткин писал: «Настоящая работа в этой еще не затронутой исследователями области, конечно, не лишена недостатков. Так, например, не все рисунки датированы, что происходило не всегда по моей вине: некоторые из крестьян опасались называть свою фамилию и местожительство, их пугало то обстоятельство, что «описывают шубу», и раз был случай, что крестьянин, у которого я срисовывал рисунок узора, продал из-за этого свою шубу. А один полушубок пришлось срисовывать в несколько приемов. Полушубок был на торговце, который, узнав мои намерения, упорно избегал меня: приходилось поэтому каждый базар, проходя мимо него, зарисовывать на память понемногу, по одной детали. Позднее я применился к работе и выводывал от крестьян, что мне было нужно, незаметно для них самих среди разговора»¹¹.

Это осторожное отношение крестьян к тем, кто интересуется их жизнью — очень характерная черта, особенно усилившаяся после революции. Как отметил в этнографических заметках о Ковернине М. М. Зимин, крестьяне никак не могли взять в толк и поверить, что это записывается для науки. Они думали, что «для налога», «для просмешки» или еще чего хуже — для ГПУ. «И так русский человек, наученный горьким опытом, крайне осторожен: он вместо своих рассказов предпочитает сам послушать приезжих из города»¹².

В этом номере журнала мы публикуем часть этнографических записей Михаила Михайловича Зимина — его описание знаменитых ковернических четверговых базаров¹³.

На базаре этнографам записывать было проще, потому что базар, кроме чисто экономической функции, выполнял еще и социальную — это бы-

Деревенская повозка. Костромской уезд. Фото А. А. Макарьевского, 1910-е годы.

ло место встреч, общения, гуляний, праздник, ярмарка невест, место споров и выяснения отношений, где можно было узнать все новости в округе. Это был своего рода «культурный центр».

В краеведческой литературе 20-х годов, В Центральном Бюро Краеведения костромской опыт обследования базаров получил известность и поддержку. В 1927 году в журнале «Краеведение», органе ЦБК, была опубликована статья В. В. Понятовского «Из практики обследования базаров», которая, собственно, являлась обобщением костромского опыта и подробной рекомендацией по организации такого рода работ¹⁴.

Особенное внимание костромские этнографы уделяли теме славянского язычества. Они исследовали обряды, народные верования, разнообразные пережитки языческого культа.

Смесь язычества и христианства — двоеверие — была очень сильна в русском народе: языческие представления сливались с христианским вероучением, приспосабливались к нему; древний народный календарь соотносился со святыми, непонятные чужеземные слова заменялись своими, родными; воззвания к силам природы, их обожествление уживались с именами Спасителя и Богородицы. И, без сомнения, наиболее выражено это было в земледельческих обрядах.

Н. А. Бердяев, говоря о русской религиозности, отмечал особое отношение народа к земле: «Очень сильна в русском народе религия земли, это зложено в очень глубоком слое русской души. Земля — последняя заступница. Основная категория — материнство. Богородица идет впереди Троицы и почти отождествляется с Троицей. Народ более чувствовал близость Богородицы-заступницы, чем Христа. Христос — Царь Небесный, земной образ его мало выражен. Личное воплощение получает только мать-земля»¹⁵.

Костромское научное общество целенаправленно собирало материалы о земледельческих обрядах костромского крестьянства.

Так, в 1923 году была подготовлена, издана и разослана по всем волостям Костромской губернии анкета «Культ и сельское хозяйство», давшая более полутора тысяч ответов, большая часть которых принадлежала самим крестьянам.

Формуляр анкеты включал 31 вопрос. Назовем некоторые: — служат ли в вашем селе общественные молебны о дожде в засуху, о ведре в ненастье, помогает ли это; что рассказывают о таких случаях старики, что думает молодежь;

— не установлены ли у вас «праздники», заказные или обреченные дни, когда работать нельзя; бывают ли крестные ходы в такие дни, хождение со святым по домам; ходят ли во-

обще с иконами вокруг полей, когда и сколько раз в году;

— не существует ли особых народных молитв перед началом пашни и посева, какому святому молятся; не сохранилось ли старинных обрядов перед началом пашни и посева: нет ли «засеваемых песен»;

— не почитают ли землю как мать, небо и воду, как высшие силы, помогающие сельскому хозяйству;

— какие обряды и молитвы бывают перед жатвой, при дележке земли и покосов; празднование «спожинок», обряды и песни, когда бывает «овин-имянинник», «земля — имянинница», в бабье лето;

— какие сельскохозяйственные обряды и песни сохранились в «Семика», в масленицу, празднуют ли «Овсея», «Красную горку», обряды и приметы, связанные с церковными праздниками — Благовещения, Покрова, Мавры — рассадницы, Ивана Купала и др.¹⁶.

Даже простое перечисление вопросов дает представление о том, насколько ценный и интересный материал был собран. Тем более, что не за горами был «Великий перелом», фактически уничтоживший и само крестьянство, и веками выработанный уклад, и веру, и традиции, и обряды.

Почти через 70 лет эти же самые вопросы были включены в программу, разработанную Областным Домом Народного Творчества совместно с Государственным архивом Костромской области и разосланную по всем районам Костромской области. Оказалось, что даже старожилы не помнят уже ни старинных сельскохозяйственных обрядов, ни песен, ни молитв, ни гаданий.

Тогда же, в 20-е годы, костромскими этнографами были записаны свадебные и похоронные обряды, рецепты народной медицины, сказки, легенды, духовные стихи. Частично этот материал был опубликован в трудах КНО, частично использован Василием Ивановичем Смирновым при написании этнографических работ «Клады, паны, разбойники», «Потонувшие колокола», «Народные гадания в Костромском крае», «Народные похороны и причитания в Костромском крае», «Чорт родился», «Из вопросов и фактов этнологии Костромского края»¹⁷. Многие остались неопубликованными и после разгрома Костромского научного общества в 30-е годы разошлось по разным архивохранилищам страны.

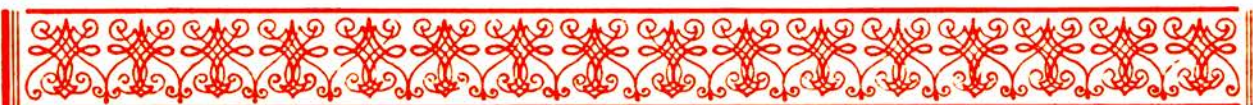
В настоящем номере журнала мы публикуем со значительными сокращениями две работы В. И. Смирнова, уже упоминавшиеся выше: «Клады, паны, разбойники», «Народные похороны и причитания в Костромском крае». Надеемся, что настанет то время, когда отдельной книгой будут изданы публиковавшиеся небольшим тиражом в 20-е годы и не увидевшие

вовсе свет труды костромских историков и этнографов.

Татьяна ВОЙТЮК.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Диев М. Я. родился в Нерехте 23 октября 1794 г. в семье священника. В 1813 г. после окончания Костромской духовной семинарии был рукоположен и служил священником в с. Тетеринском Нерехтского уезда, позднее законоучителем Нерехтского уездного училища и священником в с. Сыланове. Скончался 3 февраля 1866 г. и погребен при церкви с. Ильинского Костромского уезда. Собранные им материалы и рукописи краеведческих трудов хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственном архиве Костромской области, Костромском объединенном историко-архитектурном музее-заповеднике.
2. Письма о. Михаила Диева к И. М. Снегиреву. — М. — 1909. — С. 12.
3. Андроников В. А. О материалах по этнографии Костромского края. — М. — 1902. — С. 23 (Приложение).
4. Костромские епархиальные ведомости. — 1899. — № 22.
5. Андроников В. А. родился в 1874 г. в Костроме в семье священника. В 1897 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета, преподавал в Костроме, Ярославле, Корчеве. С 1899 г. — член КГУАК. В 1941 — 1959 гг. — лектор Костромского отделения общества «Знание». Умер в 1961 г.
6. ГАКО. Ф. 179. Оп. 2.
7. См.: Свадебные причитания Костромского края. — Тверь — 1903; Частушки Костромского края. — Кострома. — 1906 и др.
8. Смирнов В. И. родился 7 февраля 1882 г. в с. Большая Ярембола Владимирской губернии. В 1906 г. окончил Московскую Духовную Академию, преподавал в Костромской духовной семинарии, I классической гимназии. Организатор Костромского научного общества по изучению местного края: с 1912 по 1919 — секретарь, 1919 — 1929 — бессменный председатель. Автор ряда работ по истории, археологии, этнографии Костромского края. Умер в ссылке в г. Архангельске 21 октября 1941 г.
9. ГАКО. Р. 838. Оп. 1. Д. 121. С. 69.
10. Калитнин Н. А. Орнамент шитья костромского полушубка. Предисловие В. Смирнова. — Кострома. — 1926.
11. Там же. — С. 8.
12. Зимин М. М. Ковернинский край. — Кострома. — 1920. — С. 2.
13. Зимин М. М., член КНО, в 1913 — 1917 гг. работал кустарным старостой в с. Ковернине от Костромского губернского земства.
14. Понятовский В. В. Из практики обследования базаров // Краеведение. — 1927. — № 4.
15. Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. — М. — 1990. — С. 48.
16. ГАКО. Р. 838. Оп. 2.
17. Смирнов В. И. Народные похороны и причитания в Костромском крае // Труды КНО. — Вып. 15. — Кострома. — 1920. — С. 21—126; Клады, паны, разбойники // Труды КНО. — Вып. 26. — Кострома. — 1921. — С. 1—50; Потонувшие колокола // Труды КНО. — Вып. 29. — Кострома. — 1923. — С. 1—4; Чорт родился // Труды КНО. — Вып. 29. — Кострома. — 1923. — С. 17—20; Народные гадания в Костромском крае // Труды КНО. — Вып. 41. — Кострома. — 1927. — С. 16—91.

Михаил ЗИМИН

БАЗАР

Представить себе, как проходили в Костромской губернии базары, можно, прочитав этнографические заметки члена Костромского научного общества по изучению местного края Михаила Михайловича Зими́на. Он состоял на службе в земстве и в 1913—1917 гг. работал кустарным старостой в с. Коверники Макарьевского уезда, по заданию научного общества записывал сказки, обычаи костромского крестьянства, делал бытовые зарисовки. Он отмечал, что при специальных расспросах мало что можно было записать, так как чаще всего ему говорили: «Нуш-то, родимый, эки-то пустяки нужны гля пользы?» Опасались, что записывают или «с подвохом», «гля налога», или «гля просмешки».

На базаре записывать было проще, так как кроме своей экономической функции, базар выполнял еще и социальную — это место встреч, гулянья, общения, базар — это праздник.

КОВЕРНИНО «гремит» своими большими «четверговскими» базарами, на которые привозится много льна, мочала, рогож, муки, скотины, лошадей, сушеных грибов местного сбора и привозных, в июле-августе масса муравьиных яиц, пушнины, зайчатины, дичи, привозной из Сибири — Ирбита, торгуют огурцами, горшками: «пяташниками», «гривенными», мясными», «кашниками», «поляками», «варенишниками», дубочными картинками, листовками, крестиками, образками, поясками, евангелиями, старинными и другими книгами и пр. и пр. Тогда все оживает, многочисленны самодельные торговые ларьки «шумят», и около них толкается куча народа — покупателей. Особенно «велики» базары бывают в ярмарочные дни: Вознесение, Ильин день и Покров.

В самом селе торгуют скотиной и разными крестьянскими товарами. Около церкви торгуют льном и рогожами, тут же конная торговля, где цыгане гоняют своих «чуть живых» лошадей, — бедняжка еле бежит от сильного хлестания кнутом, а цыгане хлещут беспощадно и кричат: «пру!»..., крестятся на церковь, хваля свою лошадь, надувая мужиков, всучивая им клячу или еле живую или с норовом лошадь. Рядом купцы обвешивают мужиков при покупке льна, а прасолы обсчитывают за купленную рогожу. Мужик чешет затылок, замечает неправильность; «што-то, паре, не так, ровно больше должно быть». Но проверить никак не может: «не учен, паре, вот и не могу никак сочитать», а скупщик, уверяя его в своей правоте, опять и опять довольно умело обсчитывает мужика. В торговом обмене не имеют значения никакие различия веры, даже старообрядцы не видят в этом греха, ибо: «про это в священном писании не сказано ничево». В середине базара (села) часовенка, из которой ежеминутно слышится звон колокола, дающий знать о сумме пожертвования, кто сколько пожертвовал «от своих праведных трудов»: копейку — так один удар, две — два удара и т. д. Иногда сторонние (публика) и подсмеются над «поусердствовавшим»: «Ей, друг милый, што как мало положил? Гажись, слава Богу, есь от чего и поболе пожертвовать! Поди добафь».

Вместе с тем крестьяне несколько скептически смотрят на судьбу своих жертвований в церкви: «Ево, как

церковна старосту, не учтешь, подашь угодику, а он берет себе: ну, ладно. Бог с ним, он за это и в ответе перед Богом, на том свете с его взыщется».

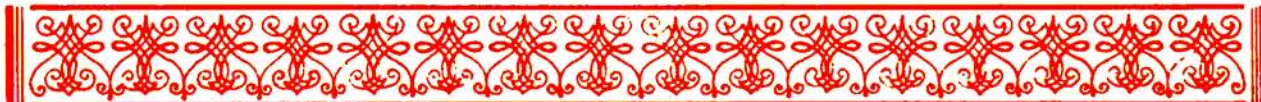
На базары съезжаются крестьяне не только соседних, но и отдаленных селений. Крестьяне считают за большое праздничное удовольствие «погулять» на Ковернинском базаре до полной усталости, до «фу-ты, как измучился, как устал-то, ух-ты!»... на базаре, на котором можно «видеть разный народ», «встретяся» с давно не видавшимися знакомыми, «поздороваться» с «ими», узнать про здоровье, узнать все новости в округе и пр.

Бойкая торговля бывает в масленицу разной рыбой и медом на блины и оладьи, на каждом шагу попадаются с посудинкой для меда, а купившие лижут его, доставая пальцем. Только и слышится: «ц, хорош мед-от, неча баить, а намеднись я купила у С, совсем не такой».

Из дальних селений с вечера пробраются в Ковернино с товарами, скотиной, да за покупками. Всю ночь слышится крик людей да мычанье коров. Многие на возах и ночуют, а ближайшие рано утром, «чем свет» едут и идут на базар, так что торговля начинается рано утром, а кончается в два часа дня.

Деревенская молодежь, празднично разодетая, расхаживает по селу, щелкая орешки каленые или торопливо луща семечки. «Учительки», «ученицы», т. е. учительницы, скучавшие в своих медвежьих уголках, мерзнувшие в плохо натопленных и худых школах, имевшие редкое удовольствие встретиться с подружками и попеть: «Медленно движется время» и т. п., в четверги бросали ученье и шли на базар — гулять.

На базарах кучками толпятся высокого роста здоровые люди с широкими и длинными бородами и дряхлые старички — «начетчики» разных толков, горячо споря о том, чья вера лучше, и каким крестом нужно молиться, чтобы спастись. Старички поднимают кверху правую руку с «благословенным» крестом: «вот каким нужно молиться!» Православные оспаривают: «Этим только благословляют, а не молятся», а на это старички, горячась, кричат: «да неужели вашей щепотью молиться? этим крестом только табак нюхают, а не молятся, и в церкви-то у вас поют, точно песни на гулянья, и разговаривают се ровно, как на базаре, и иконами-то торгуют возам».

Старообрядцы не давали проходу ни одному священнику православному, непременно останавливая расспросами о священном писании: «Што сказано в такой-то главе такого-то пророка и апостола?» и т. д. Кстати нужно сказать, что в Ковернинском крае есть православные священники из сапожников (чем, между прочим, гордятся сапожники: «Не очень, брат, шути нам, и из нашева брата есть попы»). Совершенно мало знакомые с священным писанием, эти «попы» стараются избегать «начетчиков», да и не лишне вообще заметить, что старообрядцы больше имеют познания священного писания, чем православные. При спорах они ссылаются на свои старинные рукописные книги, которые постоянно носят при себе в руках или за пазухой. Нередко в базарные и воскресные дни в православной церкви происходили беседы и привлекали многих слушателей, приезжали миссионеры. Интересно наблюдать упорство и стойкость старообрядцев, видишь у них массу старинных книг и удивляешься их огромной начитанности, памяти и знанию книжного старинного «священного» писания.

Много интересных бытовых черточек можно наблюдать на базарах. Вот например по базару ходит «простоватый» — мужичок с поднятою шапкой на коле (нанятый за рублевку) и кричит «во всю мочь», «что ни ешь силы и духу»: «Православные христиане, пропала овца черна с двумя ягнятами, один белый, другой серый, если объявится у ково, заявите в волосно правление!»

С ворами на базарах расправляются очень жестоко. 14 декабря 1917 года, в базарный день, около семи часов утра один крестьянин украл с воза мешок овса, за что и был убит на месте и привязан к телефонному столбу «на посрамление»...

Пожилые крестьяне, особенно которые приехали с вечера, «умучившись», управившись, закупив и сделав все нужное, забираются в трактиры и, не снимая верхней одежды, сидят и пьют чай с «кокурками», мятными пряниками, особенно любимыми крестьянами, я знал одного крестьянина (Гараню-Герасима), который ел по 5 фунтов за «присед», но только чувствовал «тошнотавость». Чай пьют по-русски, не торопясь, и выпивая деся-

ки стаканов, вытирая полый или рукавом своей одежды «девятый пот». За кипятком ходят сами, «штобы поско-ре, а то пэлова не дождедся и не достучисся». Пока пьют, по несколько раз выходят для освобождения живота и ругаются, если половые уберут со стола в момент отсутствия: «мы ище не кончили, а ты убрал, деньги не уплатим — вот тогда будешь знать, как убирать безовремя». В трактире все время стоит невообразимый шум, крик, жар и пар столбом.

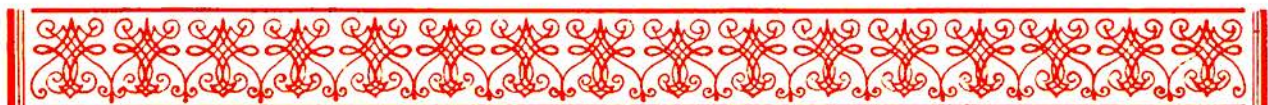
В два часа базар кончается, купцы с крестным знаменем благодарят Господа Бога за помощь им и закрывают свои амбары и склады, а мелкие торговцы, сметая и сдувая пыль с своих ларьков, «еще конителются», с расчетом, авось кто и подвернется, да и купит или семян, или «канфетку», или веревку какую-нибудь, или еще чего, — и, после этого, Ковернино затихает на целую неделю.

...

Печатается в сокращении по изданию: «Ковернинский край». — Кострома, 1920.

Толпа крестьян у Пряничных рядов. Фото Д. П. Пряничникова. Начало века.

Василий СМЕРНОВ

КЛАДЫ, ПАНЫ И РАЗБОЙНИКИ

(Из этнографических
очерков
Костромского края)

В заповедный, таинственный мир сказаний и легенд может заглянуть читатель, познакомившись с выдержками из этнографических очерков В. И. Смирнова «Клады, паны и разбойники». (Труды КНО. — Вып. 26. — Кострома, 1921).

Многочисленные варианты народных преданий, обычаев, собранных в конце XIX в. — 1920 г. Костромской губернской ученой архивной комиссией и Костромским научным обществом по изучению местного края в селах и деревнях Костромской губернии, повествуют о несметных сокровищах, удалых разбойниках, страшных закланиях, жадности и глупости, счастье и везении. Через простой, бесхитростный рассказ приходит к нам историческая память народа, его житейская мудрость и нравственные идеалы.

В КОСТРОМСКОМ крае, где помнят еще о временах татарских набегов, о каких-то панах, о литовских людях, бродивших здесь, об удалых шайках, разбойников, в его дремучих лесах и на могучих реках создались или принесенные из других мест вросли и окрепли многочисленные поэтические легенды о скрытых в те времена в земле кладах, заклятиях страшными заклятиями. Многие пробовали разыскивать эти легендарные, давно забытые клады золота и серебра, искать свое счастье...

Особенно часто рассказывают о кладах, которые видят ночью то тут, то там огоньком. У с. Чернопенья, Костр. у., клад огоньком скачет по скошенному у Волги лугу. (...) В болоте у Нерехты под Егорьевой горой зарыты несметные богатства — кажутся часто огнями. Около деревни «Осиновая слобода», Костр. у., родник есть теплый в лесу. А над ним большая ель. «Горят над ней по ночам две свечи. Тут и нищи клад!» (...)

(...) «Вот говорили, что клады теперь не показываются. А вот на днях моя двоюродная сестра своими глазами видела. Еду, чу, с мельницы с мешком домой, в Окатово приехали уже ночью. Только чу, это я подъехала к крайней избе, ан и выкатился из-за избы шар. Да, чудная, весь золотой! Большущий — экое дело! Так горьми и горит. Хотела, чу, с телеги-то слезть да ударить по нем, да такой страх обуял, прямо одурела, себя не помню, он, чу, и покатился прямо к Семенову. Вот вам и враки! Что не говорите, а верно клады выходят. Уж кто другой, а сестричка врать не будет». (Расск. А. Николаевой из ус. Коровяево, Кс. у. Запис. 19 окт. 1920 г. К. И. Мардасовой. (...))

Особенно часто клады кажутся «чудятся» в виде животных — собаки, лошади, теленка и т. д. (...)

Недалеко от д. Алексина, Костр. у., передавала одна старушка, клад бывало ходил по горам золотым бараном (Е. Добрынина, 14 июля 1920 г.). (...) В другом месте передавали такой рассказ: «Прежде свиной-то в деревнях не видали. Редкость это было. Заметил один крестьянин — прибегает на двор эта скотина: похрюкает, пороет и пропадет. Да так не один раз. Рассказал он соседу про диво, а тот и говорит: «Да ведь это не свинья, а клад ходит. Иди сыщи, как засветет (зацветет) папоротник, сорви его и принеси. Принесешь, выжди да накрой свинью, коли не рассыплется сама тут же деньгами, рой на этом месте на дворе клад. Какой тебя страх не будет смущать, ничего не бойся, только не оглядывайся. Набрался духу му-

жик, пошел в лес добывать папоротник. А по дороге-то черти его хватают, и мяукают, и орут. Взял терпенье в зубы, не оглянулся, добыл. Как стал копать, такие страхи видел, что хоть брось, а все-таки дорылся. Целый чугуун с золотом вырыл. Где-то, де-скать, это тут в деревнях было». (Рассказ В. А. Китаева, 20 июля 1920 г.).

Особенно часто в рассказах о кладах фигурируют петух и курица. (...) «Вот Олецкому Александру клад вышел — запнулся он в подполье на курицу, ан это чашка кореновая (плетеная из корней) была. «Да ты что? — говорит — Господи, помилуй!» Она и рассыпалась деньгами. Подобрал». (12 июля 1920 г.). (...)

В образе человеческого явления клады также нередки. «В одном месте поехал рыбак рыбачить и видит — выходит из воды старичок и не мокрый, сухой. Говорит рыбаку: «Толкни меня! — Да за что я, дедушка, тебя толкать буду? «Нет, ты толкни, толкни меня!» — пристаёт старичок. Рыбак не толкает. Тогда старичок и говорит: «Дети у тебя будут немые, глухие, безволосые». Рассердился рыбак, ударил старика, и рассыпался тот золотом. Разбогател рыбак, а потом дети-то родились, правда, и глухие и немые и без волос. В Казани это было — только вот фамилию-то их забыла». (Рассказ А. С. Георгиевской, г. Кострома, 5 дек. 1920 г.). (...)

(...) Клад появлялся в былое время близ д. Сулятино, Костр. у., в заполосках называемых «Колодчики» в виде человека с собакой, а около д. Юрьево, Нерехт. у., клад выезжает всадником. (...)

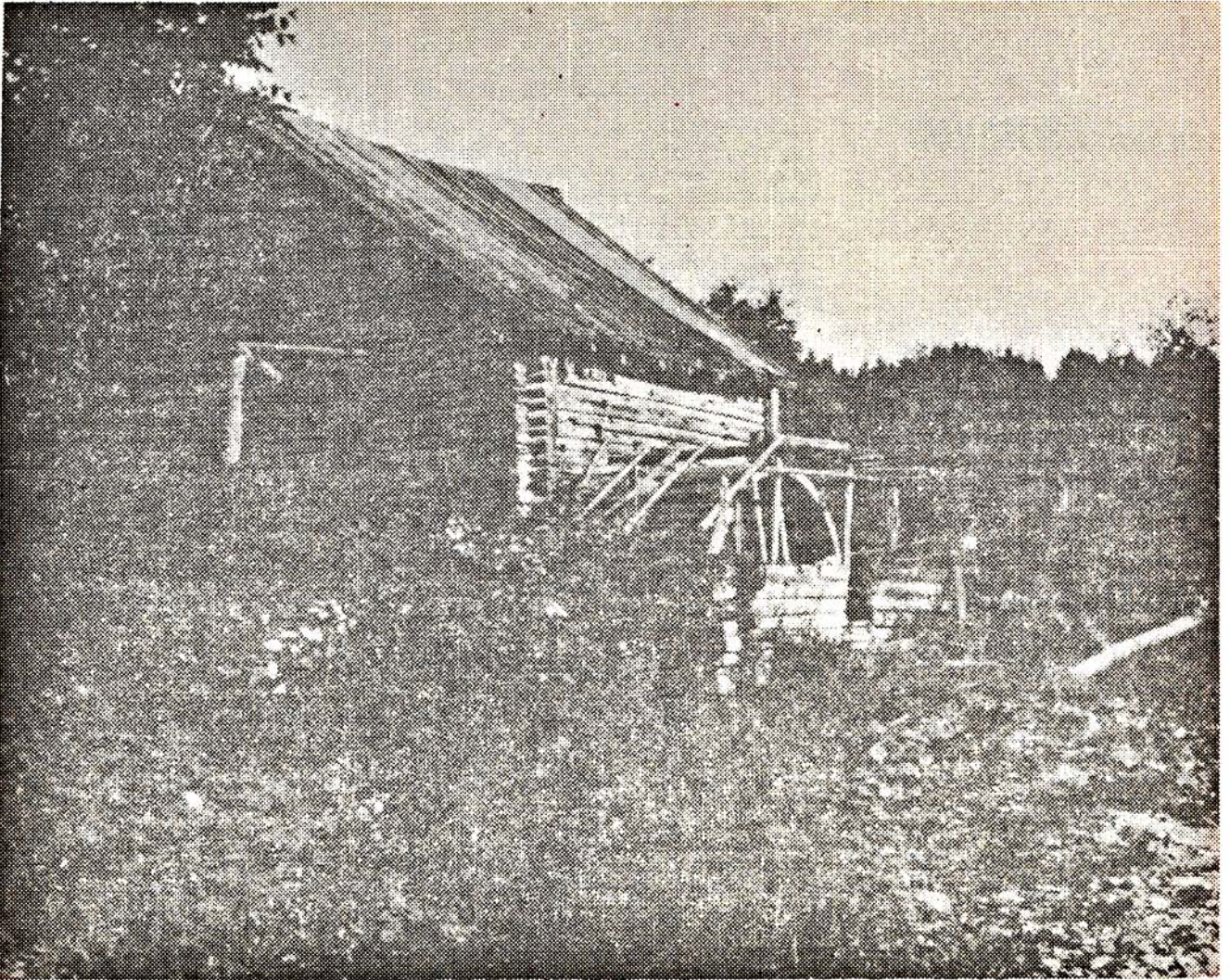
Каждое озеро, крупный захолустный лесной овраг, глубокий дремучий лес, обросший мохом валун и одиноко стоящая столетняя сосна имеют свою собственную легенду. (...)

(...) «Недалеко где-то от Шишкино (Костр. уезда), омутино есть на р. Покше. Сундук, сказывают, в ясный день видно на дне, а от него цепь красная к берегу. Взять клад днем нельзя, надо брать в 12 час. ночи. Боятся итти — как страх нападёт» (рассказ П. М. Шувалова, 12 июля 1920 г.). (...)

(...) «У д. Алексина (того же уезда) есть овраг «Кармыш», зарос весь крапивой, страшно войти в него. Здесь разбойниками положен клад — лодка с золотом. На кладе заклатье: кто выроет, вся семья того погибнет» (рассказ Дуни Милаковой, 16 июля 1920 г.). (...)

(...) Под Минским городищем у Волги также был когда-то громадный

Старая мельница, Костромской уезд. Фото А. А. Макаревского. 1910-е годы.

камень «Кобыла» (...) Про камень этот рассказывали еще следующее: «Ванька Каин да Васька Гусь (Ус?) клич кликали, что под «Кобылой» клад они зарыли, а на камне гусиную лапу вырезали. Как камень увезли, рыли на этом месте, но клад кто-то уж раньше взял» (рассказ П. В. Шувалова, 12 июля 1920 г.). (...)

(...) Говорят, недавно еще стояла красная сосна под дер. Лихарево, Гал. у., а под ней клад. И рубить эту сосну нельзя было — искры от топора летели. (...)

(...) Часто клады, по народным рассказам, являются во сне и отыскиваются потом по тем признакам, как они виделись. (...)

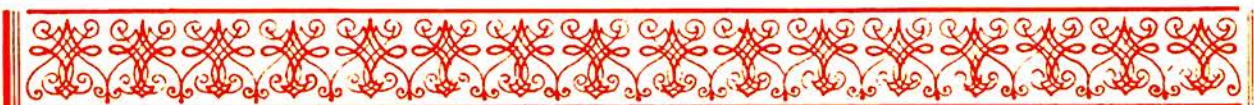
«Дядя Артемий рассказывал: привиделся ему сон — «копай, говорит у

деревни Верхние Слуды, найдешь кости человеческие, а потом клад. «Пошел, отыскал, как снилось то место, вместе с бабушкой моей да с братом пошел. Выкопали только кости — огромные. Сложил он их в корзину, отнес на чердак. В деревне смеяться над ним стали, сложили песню, «как копал — скоро на кости попал». А ему не до смеха, снится стало, чушь в башку разная полезла. Пошел к благочинному, рассказал ему все, а тот велел принести кости. Отпели и закопали на кладбище» (Рассказ Г. И. Рябкова, кр. д. Минина, Ков. у., 21 нояб. 1920). (...)

(...) Вот напр., рассказ, записанный одним учителем со слов очевидца: «Жили мы тогда в Онисимове. А ведь около Онисимова, сам знаешь, крутая гора, прекрутая, к Ветлуге-то. Тут есть маленький лесок. Пошел я этак

раз — лет десять мне было — в лесок этот грибы собирать. Хожу, шатаюсь по косогору-то, где гриб, где два сорву. Пришлось проходить мне около ключа. Вот и покажись мне, братец ты мой, стоит бы в косогоре-то сундук, как раз на ручье на самом, окован железом весь, около аршина ширины и аршина полтора в длину, весь обтыкан по сторонам костями, большущими костями, не знаю — чьими, так вот и торчат по бокам-то. Поиспугался я тут, да ничего, мороз по коже подирает, а смотрю. Вдруг покажись мне-тут свиное рыло; оскалила зубы эта свинья и смотрит на меня, изо рта вода. Оторопь взяла меня тут, сам не свой сделался, волосы дыбом на голове: взглянул на рыло-то ей, да унесико оттуда. Господи, что есть прыти домой». (...)

Несметные сокровища не всегда зарыты в землю просто для сохранности

и потом забыты; они закланы великими зароками и охраняются таинственной, чаще всего нечистой силой. (...)

Иныеклады показываются нескольким лицам — десяти-двадцати, а воспользоваться кладом может только последний из них, если он сумеет, благословясь, только дотронуться до него и зааминить, сказать заповедные слова. «Аминь, аминь, рассыпья!» (трижды). Тогда клад рассыплется деньгами. Если человек не успеет этого сделать, клад уйдет опять в землю на столько же лет, после назначенного времени он откроется сам или будет доступен для каждого. (...)

Клады даются чаще всего только «некорыстным людям». (...) «В Леонтьеве (д. около с. Молвитина) жили в одном доме старики. Собрался как-то старик к заутрене, вышел на двор, смотрит — стоит белая корова. (...) Воротился в избу, говорит старухе: «Чью это ты корову-то заперла у нас?» (...) Пошли посмотреть, ан коровы-то нет, а из-под навозу поднимается котел с золотом, сверху соломой забросано. Схватили они скорее лукошки, корчаги, кринки — давай насыпать. А в это время подходит к воротам сосед, постучался и говорит: «Эй, сват, пойдем к заутрене!» — с вечера еще они уговорились вместе идти в церковь. Пожадничал тот: Нет, говорит, не пойду, нешто мне не здоровится нонче. Клад-то — у-у-у-у! в землю и ушел». (...) (Рассказ М. Соловьевой, 14 дек. 20 г.) (...)

(...) Красивую легенду передают в Галиче о кладе, что лежит в озере. На клад положено страшное заклятие — нужно закопать первенца-сына в землю, тогда из озера появятся 12 кораблей, нагруженных несметными драгоценностями. Сам алчный до денег Шемяка, князь Галичский, задумал сделать попытку добыть клад, не пожалел и сына. Корабли стали уже показываться из воды, когда он закапывал сына, но прибежала мать ребенка, успела вытащить его из ямы — и корабли вновь на глазах у всех погрузились в озеро. (...)

Как ни крепки и ни страшны иные зароки, их можно обойти, вложив в словесную формулу другое толкование и в действие — иной смысл, нужно уметь «перезарочить». «У Бычихи тут где-то (с. Бычиха, Костр. уез.) помещик зарывал клад. «Кладу, — говорит, — сокровища, вас на 100 колов». А один усмотрел это. Как тот ушел, срубил 100 кольев, поставил их кругом и говорит: «вот вам, сокровища, 100 колов». Клад сейчас же и вышел». (Рассказ М. Ерунова, кр. Андреевской вол., Костр. у.). (1 авг. 1920 г., сраб. И. Иванов-Суев. Кр.) (...)

(...) Само собой разумеется, клас-

сический пансротник — «Иванов цвет» и другие чародействующие травы играют роль при отыскивании клада. (...) Говорят, что кладоискатели употребляют свечу из человеческого жира — «без этой свечи, по сказам, клад не дается». (...)

Иногда народная память удержала имя славного разбойника, но не может уже определить времени его подвигов. (...)

(...) Часто не помнят совсем имени разбойника. «Бабушка мне рассказывала, а ей рассказывал ее дед. Деревня-то наша тогда в лесу стояла, как в чашке, кругом лес непроходимый был. Недалеко около «Столбихи» жили разбойники — целая шайка с атаманом. С ним и подруга какая-то жила. Долго мужики боялись трогать их, а потом набрались духу, окружили Столбику, перебили всех разбойников. А атаман в то время в бане парился. Не могут его убить, никак — заколдован был. И пуля не берет. Сам уж сказал им: «Возьмите носилу, проткните меня!» Только носилой и убили (носила — прямые жерди, заточенные с концов, на них переносят сено). Дедушке 10 лет было как везли их в тележке хоронить — закопали где-то в подвале овина». (Рассказ В. А. Китаева 20 июля 1920 г.) (...)

Особенно многочисленны и повсеместны в крае рассказы о скрытых кладах и подвигах разбойника Ивана

Фадденча, в конце XVIII столетия разбойничавшего с шайкой около Костромы, Ярославля, Шуи и Владимира. (...) В д. Афонасовке, Шишкинской вол. Н. В. Ячменевым недавно записана следующая местная легенда о Фадденче с романтической подкладкой, легенда, представляющая цельный образчик произведений разбойничьего эпоса. «Давно в старину в нашей местности был лихой атаман разбойник Иван Фадденч, огромного роста, косая сажень в плечах и красавец собой. Имел шайку из таких же молодцов, человек в двадцать, с которыми и делал набеги на помещечьи усадьбы во время крепостного права. Горе было тому баринку, про которого слышал Иван Фадденч, что он чем-н, да притеснял вотчину». (...)

Любопытны с точки зрения народной идеологии рассказы о подвигах почти созрелых подобных героев. (...) «Жил разбойник, Валуй по прозвищу (в Буйск. у.). Сила у него была необыкновенная: один на 14 человек выходил. В своих деревнях никого не трогал, разбойничал по сторонам. Бывало с шайкой торопится куда-нибудь, навстречу идет бедный мужик на лошади: — «давай лошадь, на тебе расписку!» А потом погода немного к мужику в гости. — «У тебя, слышь, Валуй лошадь отнял?» Мужик сметит: «Нет, не видал я Валую!» — «Не видал, так на!» — и приведут мерина, что ни есть лучшего. Подземные навесы были в версту — тройками там лошадей прятал. Попался как-то, церковь ограбил в одном селе. Все село кольями било. Думали, что убили, смотрят — на другой день гуляет, как ни в чем. Кровью, говорят, своей смазывал себя. Этим и заколдовал — ничто не брало». (Расск. М. Ерунов).

В Красном селе, Костр. у., был некто Серапион, фальшивые монеты делал. «Такой специалист был — в назначенье не могли отличить его деньги от настоящих. Наградил все Красное, да и Кострома-то от него разбогатела. (...)». (Рассказ кровельщика М. Ерунова, 1 авг. 1920 г.) (...)

Разбойничий эпос севера России — многочисленные песни, сказки, предания и легенды о разбойниках мало еще изучены, а между тем они представляют чрезвычайный интерес для характеристики народных идеалов, богатейший материал для изучения духовной жизни и облика народа, его настроений, влечений и общественных вкусов, они дают в то же время объяснение некоторых исторических явлений русской жизни. (...)

Публикацию подготовила
Ольга КИВОКУРЦЕВА.

Василий СМЕРНОВ

НАРОДНЫЕ ПОХОРОНЫ И ПРИЧИТАНИЯ

Еще никому не удалось найти рецепт бессмертия. Человек рождается и умирает, смерть и похороны — неизбежный и печальный конец его жизни. Именно этому посвящена работа Василия Ивановича Смирнова «Народные похороны и причитания в Костромском крае», (Труды КНО. — Вып. 15. — Кострома, 1920).

Вся статья разделена на четыре главы: в первой описывается общий порядок похорон, необходимый инвентарь, приметы, вещи сны, приготовление умершего к похоронам, вынос и проводы в церковь, похороны у старообрядцев, погребение при эпидемиях, вторая посвящена поминкам и способам поминовения, молитвам, творящимся по умершим, «тайной милостыне»; в третьей рассказывается о народных представлениях о смерти и загробной жизни, о рае и аде, явлениях покойников наяву и во сне и о том, как избавиться от этих посещений; в четвертой анализируется лексика, синтаксис, художественные особенности причитаний и плачей по умершим.

П О народному понятию, смерть заранее бывает предугадана или вещей птицей или другими предзнаменениями (...)

Повсеместно ворон считается зловещей птицей, предвестником смерти. Ворон каркает — к покойнику, особенно в селении, где есть больной. Птица-ворон долго вьется над домом или сядет на крышу, а особенно, если еще в трубу заглянет, — «живучи год не пройдет без беды». /.../ Дятел долбит стену — к покойнику /д. Петровская, Чухл. у./ /.../ Куры весной кричат до солнышка на гнездах — к покойнику /с. Ефремово, Кологр. у./ и даже просто «куры весной гуляют» /с. Тушбино, Галич. у./ /.../ Собака воет, опустив морду к земле, — к покойнику, /кверху — пожар/. Рвет яму и притом воет — также к скорой смерти кого-нибудь в доме /с. Борщино, Костр. у., с. Фед. Слобода, Чухлом. у./ Кошка ложится поперек пола — тоже /с. Борщино, Костр. у./ /.../ Плохими признаками считается, когда /.../ зеркало разобьется /г. Чухлома/, вылезет каша из горшка, т. е. поднимется выше краев горшка — в доме будет покойник /с. Борщино, Костр. у./ /.../

Существуют приметы, связанные с различными моментами религиозного обряда в жизни человека. Например: коли родится ребенок вниз личиком — тот не живущий, а вверх — будет жить: /.../ /Ветл. у., А. Ширский/. /.../ Замечают также, у кого из брачующихся больше свечи сгорит — тот скорей умрет /д. Петровское, Чухл. у./ /.../ Встреча двух свадебных поездов или встреча свадебного поезда с похоронами — тоже не к добру: умрет кто-нибудь /с. Мальшево, Костр. у./ /.../ Не делай гроб больше покойника — другой будет /с. Борева-ская, Чухл. у./ /.../ Если в доме больной умирает к вечеру на закат солнца — скоро еще быть покойнику /пог. Ильинский, Галич. у./ /.../

Многие сны означают смерть в доме. «Зуб во сне падает — к убыли в семье» /с. Болотово, Костр. у./ Если во сне увидишь выпавший зуб с кровью и болью — обязательно умрет кто-нибудь родной, без крови — знакомый или «чужестранный» /с. Борщино, Костр. у., Ветл. у./ /.../ «Во сне увидишь бревно из стены выпало, вымел сор из избы — к покойнику» /г. Кострома/. /.../

/.../ В Нерехт. у. в Духов день девицы гадают, бросая в воду венки. Когда венки, брошенный на отца или мать, тонет, то им в тот год замечают, умереть. /Примечание: «Письма М. Я. Диева к И. М. Снегиреву». Чтения в О-ве И. и Д. Р., 1887. Кн. 1-я. 93—94 стр./ /.../

Приметами, всевозможными суеверными и фаталистическими предзнаменованиями в избытке окутан каждый шаг человека. Они держатся уди-

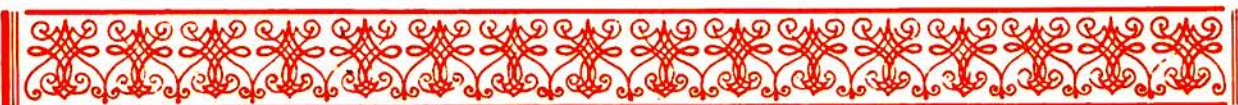
вительно крепко и часто они не только пережиток древнего верования, но рождаются вновь, подыскиваются для каждого надлежащего случая: умер человек — припоминают, что было перед тем необычайного или необъяснимого, и говорят: «не даром третевось кончик носа чесался» или «кура петухом кричала», «цветок не во время расцвел» и т. д. /.../

Соборование повсеместно рассматривается народом не как таинство, врачующее больного, а как прелюдия похорон: «соборованный не оздоровеет», «уж соборовали» — значит больной безнадежен. /.../ В одном рукописном лечебнике нам встретился такой способ народной prognostiki: «чтобы жизнь скорую у больного узнать, сыскавши траву чернотыльник, должно положить под голову больного так, чтобы не знал, и усмотреть, если же он уснет, то скоро умрет, а ежели нет, то будет долго жить. /Примечание: Рукоп. сборн. нач. XIX в. принадлежит автору./ /.../

После соборования обычно больной испрашивает прощение у священника, потом у всех соборовавшихся. «При сем домашние особенно сильно плачут, прощаясь с больным, как бы на смерть /в некоторых местах с причетами/, что не редко смущает больного». /Примечание: А. Либеров. — Из дневника сельского пастыря «Костр. Еп. Вед.» 1899 г., 136 стр./ Близкие и знакомые приходят к умирающему проститься, дети подходят принять благословение. С умирающим посылают на тот свет поклоны, не стесняясь при этом высказывать вслух свое мнение о безнадежном положении больного. Во время посещения больного принято приносить в подарок ему чего-нибудь из сладостей, яблоков или пирога. Отказать больному в какой-нибудь просьбе считается недопустимым. /.../

Если больной безнадежен и приближается момент разрешения жизненной драмы, священник читает «отходную» /молитву/.

Когда больной умирает, /.../, в доме наблюдают тишину, чтобы «не мешать» покойника, в противном случае он промрет еще 12 суток», /.../. завешивают зеркала /поч. Бакино, Кол. у./, останавливают часы /г. Кострома/, /.../ При смерти также кадят ладаном, ставят воду в печь, которую закрывают, запирают окна и двери, засвечивают лампадки /поч. Давыдово, д. Дымново, Костр. у./ Умирающего переносят в переднюю половину избы под образа. Вкладывают в руку иконку, зажигают на божнице «четверговую» или «боголеленскую» свечку. /.../ Местами считают, что на мягком помирать «нехорошо», все равно как и покойнику лежать на перине, потому что «на пуху грехи не простятся». Смысл заботы перекладывать умирающего на лавку или подкладывать солому уже утратился. /.../

Интересный обычай и довольно распространенный в Костромском крае отмечен в случаях «трудной смерти». «Когда душа не может выйти из тела, открывают на крыше несколько тесин». /.../

Бывает смерть «легкая», когда человек помрет, недолго похворав. Но в то же время «хорошей смертью» считается, если человек «выболит», т. е. благодаря болезни значительно уменьшится в весе. Хорошо помереть в светлый день Христова Воскресения — душа непременно попадет в рай, потому что райские двери бывают для всех открыты в часку, как царские двери в храме. Случаи внезапной смерти, «одновременно», рассматриваются по-разному. Это или «Господь к себе призвал» или кара Божия. Безусловно, «нехороша смерть» на печи или в печке. /.../. По-видимому, смерть на печи оскорбительна с точки зрения культа очага. Все виды самоубийства считаются также нехорошей смертью. /.../

После смерти труп омывают чистой водой с молитвой — «Святый Боже» и оттирают чистой тряпкой. Этим занимаются обычно старики и старухи, чаще вдовы, за что получают они какую-либо одежду или вещь умершего на помин. /.../ Бывает, что омывают по обету друг друга. Чаще мужчину омывает мужчина, а женщину — женщина. В некоторых местах принято соборованных омывать только от груди или пояса до ног, а несоборованных — целиком. Омывание совершается на полу, на подостланной соломе у порога, ногами к печи. Как на тот свет собирают, в доме умершего босиком, по народному обычаю, ходить не следует, все равно как в день именин земли /в Духов день/ и коле сварбы. /.../

Солому или рогожу, на которой омывали, кусочек мыла, гребень, которым расчесывали покойника, стружки от приготовления гроба-домовища принято уносить в такое место, где люди редко ходят или ездят, где эти вещи не будут попираемы ногами, напр. выбрасывают на берег реки, чтобы унесло при разливе водой /с. Н.-Ширь, Кол. у./ /.../ С мылом, которым омывали покойника, связаны самые нелепые суеверия — оно имеет мертвящую силу. Этим мылом, напр., дают умываться мужьям, чтобы не ругались — злоба мужа должна замереть /Завражинская и Богословская вол., Костр. у./ Мыло употребляется и как средство домашней медицины — его берут себе девицы мять руки, «чтобы не дыбели», т. е. не дрябли. /дер. Дымново, Костр. у./ /.../

Мерку с мертвого, по которой потом делают гроб, пчеловоды старики советуют употреблять затем, чтобы рой не уходил: «Возьми меру, что мертвых меряют и принеси в свою пасеку и поставь и помини раба Бо-

жьего, преставившегося от нас, чья мера и мерь ею, говоря: «как ты встанешь в день судный, а я эту меру беру для моей пасеки, чтобы пчелы мои не уходили от меня, раба Божия, /изя рек/ от века и до века»... /Примечание: Сборник молитв и старинных правил по пчеловодству. «Материалы по описанию пчеловодства Костр. губ.», вып. XX, 426 стр./.

Мужчину обряжают в белую холщевую или ситцевую рубашку и холщевые кальсоны, подпоясывают поясом, сделанным из узкого обрывка полотна. Сверху надевают саван, сшитый обязательно на руках, а не на машине и без ножиц — холст, если требуется, порют руками. Саван шьют с изнанки, стежками, а не в тачку, не в захлест, узлов не вяжут, т. е. нитку не закрепляют, держат иголку от себя вперед, иначе покойник опять придет за кем-нибудь в свою семью. На шею покойника надевают медный или деревянный крест (с серебряным не кладут). На ноги надевают белые чулки и туфли «босовички» или портянки и лапти. /.../ При снаряжении покойника никогда не следует завязывать двойной узел, иначе, «не пущая его на том свете в церкву»; /.../. Женщин одевают в дмотканную длинную рубашку и сарафан, в среднем возрасте — в ситцевую юбку и кофту, девиц одевают в лучший наряд, на голову надевают платок, на старых темный, из молодых белый, девицам распускают волосы. Соборованных одевают в тот же костюм, в котором они соборовались. Поверх одежды надевают саван, а голову еще покрывают куском холста, иногда и все тело в гробу покрывают холстом. Кладут на покойника цветы, но редко. В правую руку умершего дают «пропуск» — отпустительную грамоту, а в левую вкладывают белый кусок материи или носовой платок, хотя бы он при жизни и не пользовался платком /с. Георгиевское, Варн. у., поч. Баково, Кол. у., Чухлома/. /.../ Обычно умершему с открытыми глазами прикрывают веки и кладут на них медные деньги. Потом эти деньги чаще всего подают нищим или в церковь — на свечку. /.../.

Покойника кладут на стол или на лавку под образа ногами к двери. /.../. В головах зажигают свечку. Руки складывают крестообразно на груди и кладут на них образок. Пока покойник дома, по нем читают псалтирь, если есть грамотные. Встречается обычай дома показывать на покойника.

Порядок хоронить на 3-й день, положенный церковью, не всегда соблюдается — покойником тяготеется, особенно в рабочую пору. /.../.

«Справные» люди задолго собирают себя. При жизни шьют себе «весь обряд» и заказывают домовину — гроб. Любопытен обычай насыпать в заготовленный гроб зерна и подавать

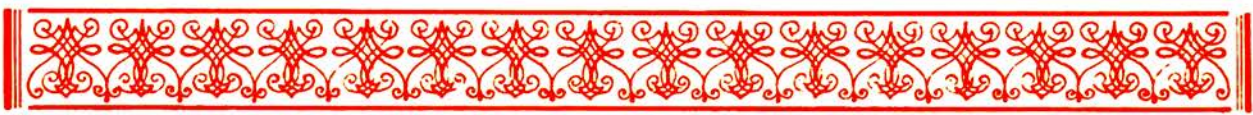
из него зерном милостыню. Самый гроб и до сих пор в некоторых местах, преимущественно богатых лесом, и у старообрядцев, делают долбленый. /.../. Покупают также в городе крашенные гробы, но чаще их делают по деревням из белого столярного тесу в виде ящика /углы в замок/, употребляя только деревянные гвозди или же связывая углы лыком и новыми веревками /д. Петушиха, Варн. у./.

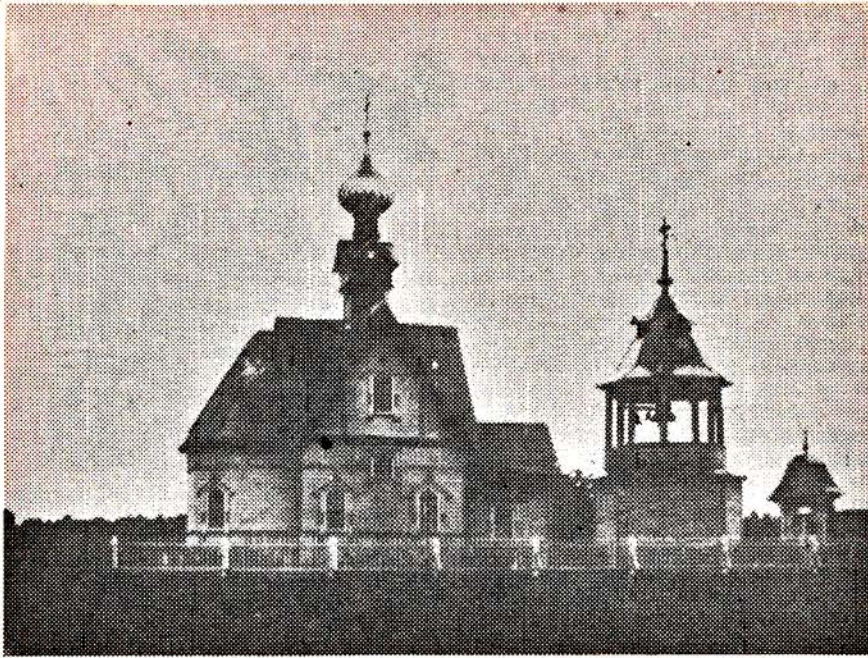
В гроб кладут подушку, набитую сухим березовым листом с венника или куделей — отрепьями. /.../. Бывает, что старухи копят свои волосы, чтобы ими набить себе потом гробовую подушку /с. Тушебино, Гал. у./ /.../. В некоторых местах /д. Рыжково, Костр. у., г. Чухлома/ под головы в гроб обязательно кладут венник. Смысл этого обычая совершенно забыт. В д. Рыжково, Костр. у., кроме венника, мыла и гребня, кладется еще рубашка, кальсоны и полотенце, «чтобы проводить на тот свет в полном обряде». Кладут также медные образки. /.../.

Пока покойник еще не увезен, обычно откормят обедом тех, кто делал гроб, соседей и уже потом везут в село.

Из дома покойника выносят ногами вперед, стараясь не задеть за порог и косяки двери, иначе покойник будет являться. При этом смотрят в печь, «чтобы не бояться умершего». /.../.

Очень распространен обычай, /.../, вешать на углу дома, в котором кто-нибудь умер, с наружной стороны около окна или опуская из окна, небольшой кусок полотна, до полу-аршина длиной, богатые вешают целое полотенце, «чтобы душа покойника, летая и тоскуя около дома, могла утирать слезы этой тряпочкой». Говорят и

Деревянный храм Преподобного Серафима. Галичский уезд. Фото С. А. Орлова, 1914.

так, что «душу терзают со всех сторон, особенно в дни 3, 9, 20 и 40, и она поэтому «утирает полотно слезки». [...] До 40 дня душа — «непредставленная» и только на 40-й день ей «определят», где быть — в раю или в аду. [...].

Еще в одном любопытном обычае употребляется холст. Этот обычай «стрешника», когда несут умершего из дому в церковь, первому встречному дают кусок новины, чтобы встречный помянул покойника и помолится за него, или «чтобы покойника на том свете так же встретили» [с. Георгиевское, Колшево, Никольское, Кин. у., с. Борщино, д. Царево, Костр. у., г. Кострома, д. Петушиха, Варн. у., с. Костома, Буйск. у., с. Ковернино, д. Давыдково, Мак. у., с. Сараево, Нерехт. у., д. Балуково, Ветл. у., А. Ширский]. [...] Интересное объяснение этого обычая дано было в д. Гомонихе, Костр. у.: кусок холста дается за тем, — говорится здесь, — чтобы на том свете было во что одеть голую душу. [...].

Холст или расшитое полотенце вешают также обычно на крест впереди процессии, когда хоронят «с выносом» или «подъемом», т. е. когда прилагается на вынос тела из дома причт. Полотенце потом отдают в церковь или причту. [...].

Похоронная процессия следует в таком порядке: впереди несут распятие или икону, на котором надет рушник — полотенце, иногда кусок холста, затем кто-либо из близких с крышкой гроба на голове, далее перед гробом

следует духовенство и за гробом близкие родственники, шествие замыкает толпа знакомых и любопытных. В селах покойника несут родственники на носилках, в виде двух колеб, связанных веревками, на жердях или на полотенцах; «до прихода» из дальних деревень возят на лошади, особенно, если покойник тяжел — «не выхорал». [...] От дома до церкви по дороге иногда разбрасывают лапотник — еловую зелень. В Чухломском у., Галичском [с. Костома] Буйском [с. Желези, Борок] идущий с иконой не должен до самой церкви оборачиваться назад, потому что, говорят, в таком случае еще будет покойник. Икона эта остается в церкви в течение всего сорокоуста. За иконой — кто-нибудь из родственников умершего впереди процессии идет с лукошком овса, который и разбрасывает до самого храма, и от него до могилы. Этот обычай кормить птицу зерном быть может пережиток представления души в виде птицы. [...].

До могилы провожают не только родственники, но и соседи, «чтобы умерший встретил их также на том свете» [с. Тушебино, Галич. у.]. Проводы умерших в некоторых местах являются обязательными для всех односельчан. [...] В храме гроб ставится против царских врат. В руки умершего вкладывают отпускную грамоту — «пропуск», как здесь ее называют, на чело умершего кладется «венчик», т. е. бумажная ленточка с изображением святых или деисуса. «Венчики» составляют особую доходную статью

церкви. Отпевание обычно совершается вслед за службой. По народному представлению, пока не отпоют в церкви, — все, что вокруг покойника делается, он слышит. Пред спуском проба в могилу крышку проба заколачивают гвоздями. В районе с. Молвятина обычно одна из носилок втыкается в могилу, на которой стоит до того времени, когда ее заменят крестом. Домой носилки не берут. Они остаются в церкви и поступают потом на дрова.

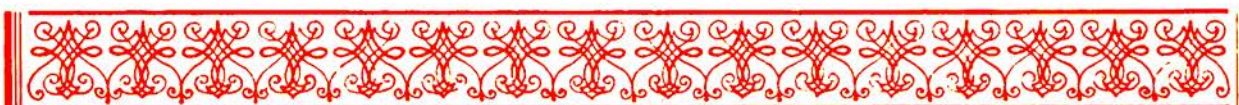
Хоронят чаще всего рядом с могилой родного: «в сыру землю под бок к дедушке», как говорится в причитании. [...].

Могилу принято делать не менее, как на два с половиной аршина глубины. Там, где этого не позволяет грунт или зимой, когда тяжело рыть, бывает, что вынимают землю и не так глубоко. Но чаще принято — глубину могилы устраивать не менее 3-х арш. Этот обычай имеет в виду гигиенические цели, но народ дает и такое объяснение: «в конце мира земля на три аршина сгорит» — значит, если закопать покойника меньше чем на три аршина — и он сгорит [с. Урень, Варн. у./ Примечание: «Земля будет гореть на три аршина, Бог-то и спросит: чиста ли ты земля? Земля в первый раз ответит: «чиста как муж и жена». Еще спросит Бог — «чиста как вдова» — скажет земля. Еще будет гореть. В третий раз спросит: «Чиста как красная девица» — ответит сла. Вот тогда и будет суд». /Ветл. у., А. Ширский/. /В могилу гроб опускают на холстах, а по нужде — на веревках, на лыках /Ветл. у./ или на кушаках. Каждый считает своим долгом, после того как гроб опущен, бросить в могилу гореть земли.

На могиле делается небольшая продолговатая насыпь в длину могилы, иногда меньше, которую потом облаживают дерном родные или друзья. Часто на могилу кладется камень, как объясняют за тем, чтобы могилка была заметнее, чтобы ее не перекопали. [...].

На могиле ставится деревянный или железный крест, а иногда просто вкапывается деревянный столб, на который вешают образок /дер. Тарбево, Костр. у./ Часто могилу обносят решеткой и сажают деревья. Деревенское кладбище, или как его называют здесь «погост», обычно представляет из себя рошцу, нередко обнесенную каменной оградой с железной или деревянной решеткой, а древние могильники носят название — «рошеник». Рубить деревья в этих заповедных рошцах нельзя — презрением клеймится тот, кто нарушит обычай. [...].

Публикацию подготовила Галина ДАВЫДОВА.

№ 64.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ ГАЗЕТА.

Владельцы и редакторы
Газеты. Редакция в СПб.
Адрес: в домике, на улице
Большая, в доме № 10.
Владельцы: в Губернском и Зем-
леметрическом департа-
ментах, в Губернском зем-
леметрическом департа-
менте и в Губернском зем-
леметрическом департа-
менте.

Получить газету можно
в СПб. в Губернском зем-
леметрическом департа-
менте, в Губернском зем-
леметрическом департа-
менте, в Губернском зем-
леметрическом департа-
менте, в Губернском зем-
леметрическом департа-
менте.

ПЯТНИЦА, 11 Июня, 1839.

Издавалась Министерством го-
сударственных имуществ в Санкт-
Петербурге с 1834 г. До 1860 г.
выходила два раза в неделю, с
1860-го—одим раз. Годовая цена
за 104 листа—2 рубля серебром.
Своей целью ставила «возбужде-
ние в читателях стремления к улуч-
шению сельского хозяйства и к
принятию в нем живейшего учас-
тия».

Кроме множества помещиков, в числе ее подписчиков были купцы, мещане, духовенство, крестьяне, волостные и сельские правления.

В 1839 г. в Костромскую губернию доставлялось 106 экземпляров (все-го по России — 4820).

Заинтересованный читатель мог отыскать на страницах газеты ответы на все вопросы по земледелию и скотоводству, содержанию пчел, находил сведения о лекарственных растениях, о способах излечения людей и животных от разных болезней, советы по садоводству и огородничеству, узнавал, как выделывать овчины и варить пиво, советовал, как уберечь плодовые деревья от вымерзания, получить хороший урожай пшеницы, писал о преимуществе ржи «муравьевки», делился опытом выращивания карто-феля во мху и хранения моркови.

Газета эта интересна и сегодня. И если можно иронически улыбнуться предложенному способу лечения горла, то в пользу крапивы вряд ли кто усомнится.

Внутренние текущие известия

Сведения из губерний об урожаях и ценах, о состоянии хлебов, трав и погоды.

1. Кострома, 31 мая 1837 г. Благоприятная теплая погода способствует успешному росту озимых хлебов и трав. Посевы яровых кончены, и всходы их начинают показываться.

(№ 52, июня 29 дня, 1837 г.)

2. Кострома, 15 сентября 1839 г. — Жатва озимого и ярового хлебов кончена благополучно. Уборка сена скудна.

(№ 80, октября 6 дня, 1839 г.)

3. Кострома, 14 декабря 1837 г. — Урожай можно считать вокруг озимо-

го сам-4, а ярового сам-2, то есть самым посредственным. Зерно озимое полновесно: рожь тянет в четверик, от 44 до 48 фунтов; но яровые легки, и овес тянет от 23 до 28 фунтов в четверик. Новые всходы были хороши.

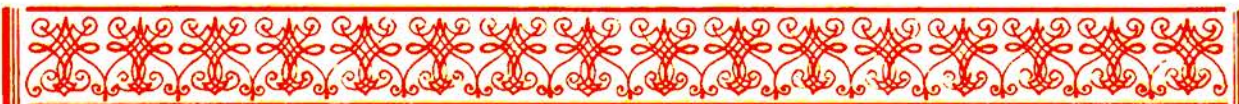
(№ 9, января 29 дня, 1837 г.)

Метеорология

Покрытие рек и каналов льдом в 1836 г.

Нева у Рожка	Ноябрь 17
Тосна	» 1
Ладожский канал у Шлиссельбурга	» 8
Волхов у Новгорода	» 3
Волга у Рыбинска	» 10
Ярославля	» 9
Костромы	» 10
Москва	» 1

(№ 9, января 29 дня, 1837 г.)

Приметы дождя в воздухе, на животных и растениях

Наблюдательные люди с давнего времени умеют по известным приметам предсказывать летом дождь или грозу.

Дождя можно ожидать, когда солнце восходит или заходит за густыми мрачными облаками; когда оно восходит в виде огненного шара и при том туман подымается; когда на закате солнце кажется больше и краснее обыкновенного и прячется за алыми или белоцветными облаками; когда оно бросает длинные лучи из-за отдельных туч.

Когда месяц бледен или окружен бледным кольцом

Утренний дождь обыкновенно не продолжителен, если же пойдет в полдень без грозы, то может продолжаться.

Когда пламя не идет вверх и когда в тихую погоду дым не идет вверх, а уклоняется в сторону; когда коровы на пастбищах надувают ноздри и дышат с трудом; когда собаки едят траву и плюют. Когда вороны утром, а галки вечером продолжительно каркают; когда рыбы всплывают на поверхность воды; когда вечером много червяков по земле ползает; мухи более обыкновенного прилипчивы.

(№ 67, августа 22 дня, 1839 г.)

Иностранные известия

Из Генуи (в Италии) от 17 января сего года пишут, что три торговых дома, занимающие первое место в торговле хлебом, решились по приказам от корреспондентов своих в Нью-Йорке отправить туда одесской озимой пшеницы от 26000 до 28000 четвертей.

(№ 24, марта 23 дня, 1837 г.)

Лондон, 13 декабря. Урожай овса был недостаточный, но будучи рано убранный, овес очень хорошего качества.

Сбор сена около Лондона хорош и вообще оно убрано успешно. Летний картофель достиг величины, поздний же, запасаемый на зиму, пострадал от дурной погоды и сбор его был скуден.

(№ 2, января, 1837 г.)

Земледельческие замечания Удобрение земли под картофель

По совету одного из приятелей моих, я в течение нескольких лет удобрял десятину земли под картофель древесным перегноем из щеп, сучьев и листьев, собираемых в большие кучи и пересыпаемых немного землею. От сего назема картофель всегда родился сам-8 и сам-10 и был вкуснее посаженного по животному навозу.

Б.Ф.К.

(№ 20, марта 9 дня, 1837 г.)

О средствах к получению наибольшего чистого дохода

...От мудрого устройства хозяйства зависеть будет определить такой севооборот, чтобы на каждом поле добываем был всегда тот плод, для кото-

рого оно по состоянию плодородия и обработки, есть самое выгодное.

1. Клевер всего лучше родится, когда его высевают вместе с колосовым хлебом.

2. После клевера выгодно сеять ячмень, картофель, лен, коноплю и пшеницу; за ними найдут себе в почве довольно пищи:

горох, бобы и кормовой горошек; после них может еще расти овес.

Этот пример может служить руководством только в отношении к такой почве, на которой хорошо родятся клевер и пшеница.

(№ 51, июня 25 дня, 1837 г.)

Об огурцах

В один год непрерывные дожди с весны до того залили у меня гряды, приотвешенные для посева огурцов, что никак нельзя было посеять. Мне пособило в этом случае простое средство. На высоком, только не песчаном, месте я велел парить неглубокие канавки, посыпав их землею из парников и посеял на той земле огурцы. Труд и земли потребовалось немного, а огурцов родилось довольно. Теперь у меня и на обыкновенных грядках делаются посередине канавки, в которые кладется чернозем, а в него сеются огурцы.

Почешик Кобринского уезда, майор Р. Бобинский.

1 мая 1839.

(№ 87, октября 31 дня, 1839 г.)

Мелкие наблюдения по садоводству

Верный способ делать отводки нежных растений.

Часто бывает, что такие черенки, особливо при дальней перевозке, вянут и, будучи посажены, не принимаются. Для сохранения их свежими лучший способ состоит в том, чтобы такой черенок тотчас по срезании воткнуть в сырую картофелину и потом вместе с нею посадить в землю. Черенок от того сохранится свежим.

В картофелине надобно провернуть равной толщины с сажаемым черенком дыру. Заметим еще, что картофелину должно облупить, снимая шкурку довольно толсто, без того от глазков ее пойдут побеги, которые заглушают черенок или, по крайней мере, отнимут множество соков, могущих служить ему пищею.

(№ 48, июня 15 дня, 1837 г.)

Подтверждение средства к излечению коровы после отела

Очень много благодарен г. Лабадину за способ очищения коров после отела, помещенный в № 1 «Земледельческой газеты» прошлого 1836 г. У меня корова по нерадению скотника запущена была около двух недель, очень похудела, потеряла аппетит. По употреблении же средства г. Лабадина с двух приемов она совершенно очистилась и скоро поправилась.

Дмитрий Карин,

помещик Костромской губернии Буйского уезда.

16 апреля 1837

(№ 49, июня 18 дня, 1837 г.)

жит отличным кровоочистительным и мочегонным лекарством.

3. Свежий сок из молодой крапивы, выжатый, употребляется с хорошим успехом в болезнях легкого и даже при начале чахотки.

4. Отвар пареной крапивы с некоторою примесью отрубей составляет отличное пойло, от которого не только молоко прибывает, но становится гуще.

5. Сено крапивное отменно хорошо для лошадей и овец. Для этого надобно скашивать крапиву, когда она подымется четверти на три, не более.

6. Семя крапивное собирают вызревшее, сушат и растирают в порошок, коего ежедневно утром и вечером насыпают в овес по одной горсти на лошадь. Оно укрепляет лошадей.

7. Еще семя крапивное, не растертое, очень хорошо давать в прочем корме курам, которые от него несутся ранее.

8. Корни и стебли крапивы идут также на крашение разных тканей.

(№ 62, августа 4, дня, 1839 г.)

тельно пользою. Надобно состричь со спины козла горсть шерсти; сбить белок свежего яйца и замесить им шерсть так, чтобы сделалось из этого род густого теста, которое на платке густо намазанное привязывается к горлу; чрез полчаса, много чрез час, болезнь вылечивается.

Оба описанные средства столь просты, дешевы и невинны, что каждому сподручно их употреблять без всякого опасения; ежели бы они даже в редком случае не приносили ожидаемой пользы, то ни в каком случае не могут вредить.

Барон Александр Боде.

7 августа 1839

(№ 68, августа 25 дня, 1839 г.)

Объявления

О СЕМЕНАХ

На Шукине дворе в семенной лавке под № 630 у Василия Лисицына можно получить всякого рода семена российских и иностранные, как то: огородные, цветочные и для засева лугов; также полевые: красный сибирский и белый голландский клевер, тимотиграсс (тимофеева трава), виция сатива (кормовой горошек), гималайский ячмень, сибирская гречиха, которая не бонтается мороза, вазовская рожь, английский овес.

(№ 84 октября 20 дня, 1839 г.)

НАГРАЖДЕНИЯ ПО СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ И ЗЕМЛЕДЕЛИЮ

По представлению господина министра государственных имуществ

Всемилоостивейше пожалованы: Золотой медалию на Анненской ленте с надписью: «За полезное».

Член общества сельского хозяйства южной России 1-й гильдии купец Иван Изнар за введение им в России нового способа выделывания землебитных кирпичей.

Серебряною медалию на Владимирской ленте.

Таврической губернии Днепропетровского уезда житель села Большие Знаменки Михаил Мараканов за разведение в значительном количестве плодовых деревьев.

(№ 96, декабря 1 дня, 1839 г.)

Публикацию подготовила
Галина ДАВЫДОВА.

Два простых способа от встречающихся часто недугов

ОТ РЕВМАТИЗМА ИЛИ ЛОМОТЫ В КОСТЯХ

Надобно взять мягкой пропускной

бумаги, какую обыкновенно в л. знах заворачивают проданные мелочные товары; сложить ее втрое или вчетверо и приложить к страждущему месту, нося и переменяя бумагу по мере надобности. Боль проходит не вдруг, но исподволь.

ОТ ВОСПАЛЕНИЯ В ГОРЛЕ, ИЛИ ЖАБЫ

Это средство употребляется горскими народами на Кавказе с удиви-

Способ сохранять долго яйца свежими

Из множества способов, предложенных для сохранения яиц свежими, простейший состоит в том, что надобно яйцо погрузить на одну минуту в кипяток. От этой обварки под самую скорлупу образуется весьма тоненькая, но плотная перепоночка, которая никак не даст внешнему воздуху проникнуть во внутренность яйца и тем предохраняет его на долгое время от порчи.

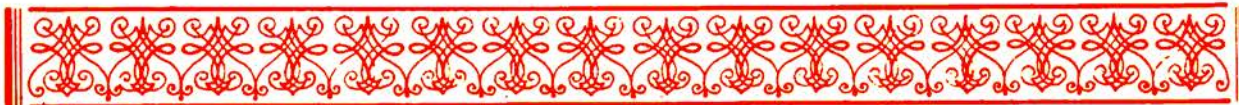
(№ 58, июля 21 дня, 1839 г.)

Крапива

Много еще таких растений, которые могут принести пользу в сельском хозяйстве и общегитии. Такова, между прочим, и крапива. Укажем здесь на некоторые главные ее употребления.

1. Из молодой весенней крапивы варят щи или похлебку очень вкусную и здоровую.

2. Отвар из молодой крапивы слу-

II

Опыт Архивной комиссии и Костромского научного общества по сбору этнографических материалов, разработанные сотрудниками КНО анкеты и программы оказались сегодня нужны.

В 1990—1991 г. Областной Дом народного творчества проводил смотр-конкурс «Дорогами народных традиций». В нем принимали участие 50 сельских агиткультбригад из 24 районов области. Бригады эти небольшие, в каждой по три человека, но они имели возможность добраться до самых глухих, заброшенных деревень.

Специально для этого смотра Областной Дом Народного Творчества совместно с Государственным архивом Костромской области разработали Программу, за основу которой были взяты анкеты и программы, изданные Костромской губернской ученой архивной комиссией и Костромским научным обществом.

Так волею судьбы оказалось, что почти через сто лет после издания первой программы по сбору этнографических материалов по ней стали работать методисты агиткультбригад.

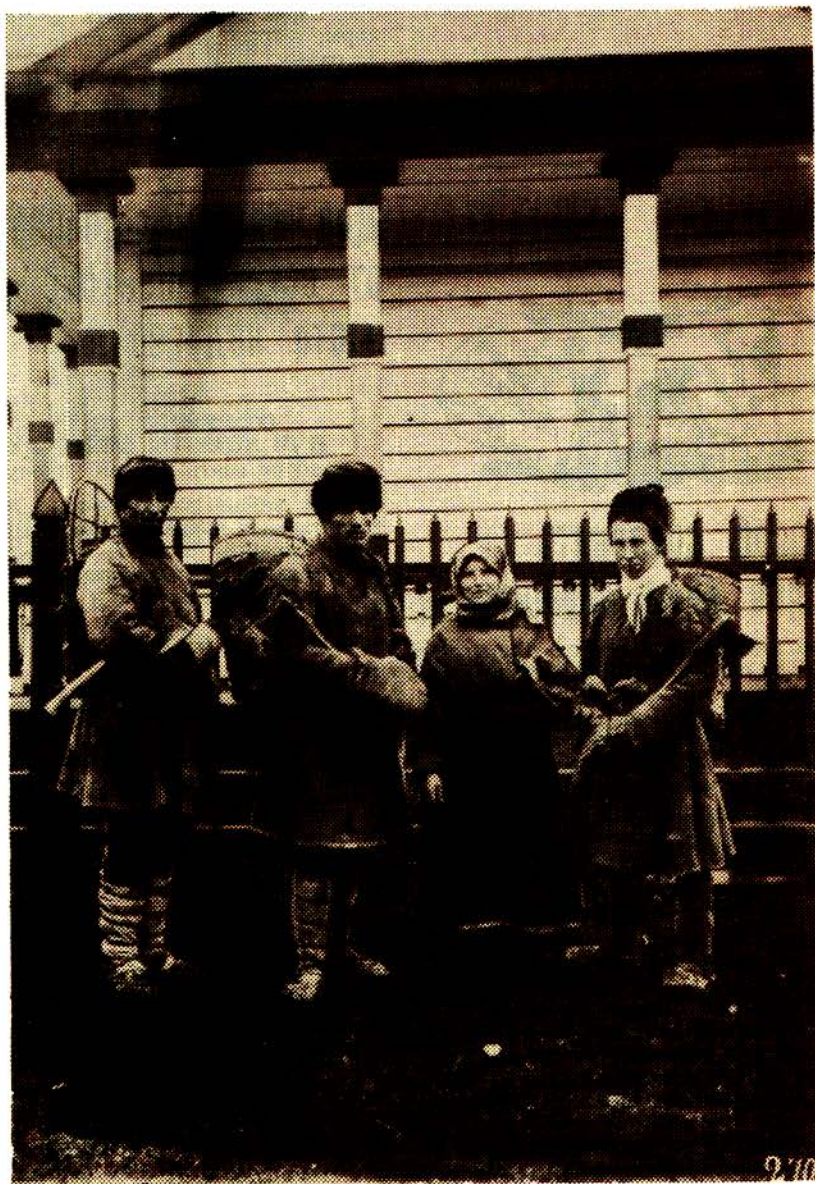
Были собраны самые разнообразные материалы, представляющие для историков, краеведов, этнографов безусловный интерес, в особенности, если сравнить их с материалами, собранными Научным обществом и Архивной комиссией.

Среди собранных Областным Домом Народного Творчества материалов — свадебные обряды, песни, частушки, легенды, рассказы об истории деревень, описание промыслов и т. д.

Мы публикуем в этом номере лишь незначительную их часть.

29 мая — 1 июня 1992 года прошла научно-практическая конференция среди участников смотра. Оказалось, что работа эта настолько увлекла их, что было решено ее продолжить.

В 1993 году Областной Дом Народного Творчества, методисты агиткультбригад собирают материалы по программам «Народный костюм Костромского края» и «Народное питание».

Крестьяне Солигаличского уезда. Фото С. А. Орлова. Нач. века.

Ягодиночка моя,
Худеешь ты, худею я,
Из-за любви, дорогой,
Худеем оба мы с тобой.
(Жохова Н. П., д. Березинки, Кологривский район).

Я пою, пою, пою,
Пою по-соловьиному.
Днем по вечеру скучаю,
Вечером — по милому.
(с. Григорцево, Нерехтский район).

Много снега намело,
По колено вязнешь.
Ты скажи, скажи, Матрена,
Любишь или дразнишь.
(с. Лаврово, Нерехтский район).

На осиновом мосту,
На первой перекладине
Напишу я письмецо
Дрольке-виноградине.
(с. Павино, Павинский район).

За твои за черны глазки
Дома держат на привязке.
Только ходу молодой
На колодец за водой.

Отворила бы окошечко,
Да петелька скрипит.
Пропустила бы миленочка,
Да батюшка не спит.

У меня тятя с ума сходит,
На беседу со мной ходит.
Расчесавши бороду,
Сидит в самом переду.

Ты, папаша, золотце,
Не брани за молодца,

Если будешь ты бранить,
Буду крадучись любить.

Меня дома-то ругали:
«Не гуляй с забавочкой».
Где же мне одной гулять, —
Я привыкла парочкой.

Зачем, мамонька, ругаешь,
Что люблю я молодца,
Вспомни, мама дорогая,
Как любила ты отца.

Что же ты, родимый батюшка,
И молод не бывал?
На беседушку не хаживал
И песен не певал?

Интересно было слушать,
Как ругала дролю мать.
Из угла в угол гоняла,
Не велит со мной гулять.

Далеко видна дорога,
Гармониста не видать.
Сколько я еще, миленок,
По тебе буду страдать.

Елочка колючая,
Боюсь, уколую я.
Жалко милого того,
С которым расстаюсь я.
(Ипатова О. Н., с. Носково, Пыщугский район).

Говорил: «Не изменю!»
Теперь изменяет.
Алый цвет на голубой
Миленочек меняет.

(Татарина В. М., д. П.-Николаевское, Пыщугский район).

Частушки

«Если отвлечься от сравнительно небольшого числа частушек на общественные темы, то можно сказать, что ландоховая частушка есть народная лирика, и притом лирика эротическая. Но эротика, которую высказывают перед всеми, да еще среди веселящихся товарищей и подруг, не есть, вообще говоря, эротика самой глубины души. Это — чувство более или менее поверхностное, не столько страсть, сколько забава.»

«Да если бы и впрямь сердце сгорало от страсти и муки, то влюбленный постарался бы на людях принять вид легкомысленный. Тон шутки, более или менее заметной, весьма часто покрывает частушечную эротику.»

«Эта двойственность частушки, это шутовское в глубоком и глубоком в шутовском придают частушке дразнящую и зазорную прелесть, постоянно напоминающую Гейневскую музу. Как и у Гейне, в глубине частушки порою нетрудно разглядеть слезы и боль разбитого сердца; однако, как у поэта, так и у народа эти слезы и эта боль показаны более легкими, нежели оне суть на деле.»

П. А. Флоренский. Из статьи «Несколько замечаний к собранию частушек Костромской губернии, Нерехтского уезда». 1909 г.

Праздник «Играй, гармонь!», с. Игумново Буйского р-на, 1991 г.

Стоит черемуха, качается.
Наверно, упадет.
Подружка в милого влюбляется.
Наверно, отобьет.
(с. Лаврово, Нерехтский район).

Ты лети, мое страданье.
Прямо к милому на грудь.
Урони на сердце искру.
Может сляжет что-нибудь.
(пос. Лужки, Нерехтский район).

Тосковала девушка,
Ревела не единова.
Успокоила сердечко, —
Воротила милого.
(Ипатова О. Н., с. Носково, Пыщугский район).

Погляжуся в зеркало,
Не буду ли красивее.
Отступлюсь от милого, —
Не буду ли счастливее.

Будем с милым расставаться,
Ветры, дуйте с трех полей.
Он пойдет, я буду плакать
У зеленых тополей.
(с. Ильинское, Кологривский район).

Эх, солома, эх, солома,
Яровая, жатая.
Плохо девушке ходить
Домой без провожатого.
(пос. Лужки, Нерехтский район).

Горемычная кукушечка,
Не ты ли мне сестра,
Горя не было у девушки,
Не ты ли принесла.
(с. Павино, Павинский район).

Озеро, озеро,
Ноги приморозило.
Как ребята подошли,
Ноги встали и пошли.
(с. Лаврово, Нерехтский район).

Я пришел на посиделки, —
Девки семя шелушат.
Попросился на колени, —
Посадили на ушат.
(Шаткова С. А., с. Пыщуг, Пыщугский район).

На веселую беседу
Дроли не явились.
Они шли через болото, —
Клюквой подавился.
(пос. Поназырево, Поназыревский район).

Хорошо тебе, подружка,
К тебе миленький пришел,
А мое-то путо лешеву

Дороги не нашел.
(с. Тетеринское, Нерехтский район.)

Меня сватал конопатый,
А рябой — наперебой.
Я рябому отказала, —
Конопатый — милый мой.
(Ипатова О. Н., с. Носково, Пыщугский район.)

Батька рыжий, matka рыжа.
Сам я рыжий, рыжу взял.
Вся семейка наша рыжа,
Рыжий поп меня венчал.
(пос. Судиславль, Судиславский район.)

Ах, пыль-пыльцо —
На мое крыльцо.
Хороши наши ребята,
Только рыжи на лицо.
(с. Лаврово, Нерехтский район.)

Под окошечком рябина,
На рябине цвета нет.
Завлекать мы вас не будем,
Интереса с вами нет.
(пос. Кады, Кадынский район.)

Как в Лаврове, во деревне
Под окошком цветики.
Как лавровские девчонки —
Чистые портретники.
(с. Лаврово, Нерехтский район.)

Восемь елок, восемь елок,
Восемь елочек подряд.
Нынче есть такая мода, —
Девки сватают ребят.

На залеточке рубашка
Вышитая птичками.
Ему надо кудреватую,
А я с косичками.
(Ипатова О. Н., с. Носково, Пыщугский район.)

Кологривские ребята
Слабые характером, —
Как полезут целоваться, —
Не оттащишь трактором.

Девушки, пляшите-ко,
Пол не проломите-ко,
Под полом картошечка,
Ее не придавите-ко.
(Созинова К. И., д. П.-Никольское, Пыщугский район.)

Девок много, девок много,
Девок некуда девать.
К гармонисту не пробраться,
Гармониста не обнять.
(с. Лаврово, Нерехтский район, с. Пыщуг, Пыщугский район.)

И ночь сыра,
И трава в росе,
И спать пора,
И частушки все.
(пос. Поназырево, Поназыревский район.)

Лучше в море утопиться,
Чем на свете маяться.
Каждый день мое сердечко
Кровью обливается.

Много горя у меня,
Много и печали,
Все веселая хожу,
Чтоб не замечали.
(Татаринова В. М., д. П. Николаевское, Пыщугский район.)

Бабы бьют на мосту,
Что я бойкая расту.
Вы не бойтесь, тетушки,
Я такой природушки.
(с. Павино, Павинский район.)

И пол проломлю,
Потолок проломлю.
На доске остануся, —
С милым не расстануся.
(Ипатова О. Н., с. Носково, Пыщугский район.)

Мой миленочек хитер,
А я его хитрее.
Он хотел поцеловать,
А я его скорее.

Кто «цыганочку» не может,
Выходите, научу.
Сначала на ноги смотрите,
Каблучками заступчу.
(с. Лаврово, Нерехтский район.)

Перед мальчиками
Хожу пальчиками.
Перед зрелыми людьми
Хожу белыми грудьми.
(пос. Поназырево, Поназыревский район.)

Золото мое колечко,
На нем проба медная.
Все ребята меня любят,
Не смотри, что бедная.

• • •

Говорят, что некрасива,
Некрасива девица.
Зато милый мой красивый,
Красотой поделится.

(Ипатова О. Н., с. Носково, Пыщугский район)

• • •

Говорят, я некрасива,
Красоты мне Бог не дал.
Почему ко мне миленок
От красивой убежал?

(с. Григорцево, Нерехтский район)

• • •

А мой-то милый — гармонист,
А я-то запевалочка.
Мы на вечерочку идем, —
Веселенькая парочка.

(Ипатова О. Н., с. Носково, Пыщугский район)

• • •

А мне милый изменил,
Говорит — немолода.
Он нашел себе такую —
У ней зубы в два ряда.

(пос. Поназырево, Поназыревский район)

• • •

Я соперницу свою
Издали узнаю.
На ней юбка длинная,
Походка журавлиная.

(с. Григорцево, Нерехтский район)

• • •

Я иду, а мне навстречу
Милого хваленая, —
В четырех водах умыта,
Все равно зеленая.

(с. Лаврово, Нерехтский район)

• • •

Я иду, а мне навстречу —
Килька безголовая.
Это парня моего
Ухажерка новая.

(Ипатова О. Н., с. Носково, Пыщугский район)

• • •

Милый свататься пошлал,
А я по воду пошла.
Все равно пути не будет —
Я дорогу перешла.

(с. Лаврово, Нерехтский район)

• • •

Начинай, товарищ, песню,
Кудреватая башка.

Девяносто песен знаю,
Да и дома два мешка.

• • •

Кабы шали не мешали,
Кабы полы не мели,
Кабы дома не ругали, —
Не таких бы завели.

(с. Арменки, Нерехтский район.)

• • •

Эх, кум Пронька,
Гармонь тронь-ка,
А я, кума Фенька,
Попляшу маленько.

(пос. Поназырево, Поназыревский район.)

• • •

На угоре стоит липа,
А на липе соловей.

Которы дедки напевают, —
Хуже стриженных свиней.

(Белобородов А. М., 1909 г. р., д. Балдино, Поназыревский район).

• • •

Что вы, девки, не поете?
Али сели голоса,
Так зачем сюда приперлись
И глядите в небеса.

(с. Лаврово, Нерехтский район.)

• • •

Эх, тюх, тюх, тюх,
Голова в дегтю,
Рюки-ноги в киселю, —
Свою милку веселю.

(пос. Поназырево, Поназыревский район.)

На празднике в д. Путятино

Предание о деревне Губино

Легенды, предания, былички

...Отряд вооруженных людей, численностью около полутора сотен, быстро спускался вниз по реке на узких плотах и долбленых лодках. На одной из лодок, которую усердно толкали шестью двое холопов, сидел предводитель отряда — ясновельможный пан Вацлав Томарек, выходец из старинного рода краковских шляхтичей. Он был одет в расшитый суконный жупан, обут в сафьяновые сапоги, а за поясом был заткнут единственный во всем отряде фитильный пистоль изящной работы — тогда шляхта еще предпочитала традиционно холодное оружие огнестрельному. Пан Вацлав был красивым усатым мужчиной лет 40, несколько полноватый. Он вел в поход на Русь немало своих холопов, около полусотни, нескольких он уже лишился. Пятеро легли под Смоленском, двое под Кромами, десятка полтора погибли в бесконечных стыках под Москвою. Жалко терять верных холопов — на прибылых надежды меньше. Кого только не было в отряде — поляки, литвины, два прусса, а также несколько русоких. Основная масса победнее, все богатство — шапка да сабля, штаны и те рваные, а тоже — шляхтичи. На это войско полагаться трудно: любители пожрать да выпить, набить пазуху серебром. Сражаются весьма посредственно, на копья не лезут. Единственной отрядом пана была золотоволосая красавица Мартуся, которая сопровождала его в походе. Дочь обедневшего пана, она была не столь влюблена в Вацлава, сколько в его рассказы о богатых землях русских да несметных богатствах далекого края. Плохо ли получить надел в Руси и повелевать покорными холопами? Когда была обещана награда за голову новоявленного русского царя, польское воинство толпами хлынуло на восток и на север, обыскивая все монастыри и скиты на своем пути. Отряд пана Вацлава вместе с другими дружинами забрел аж на Вологодскую землю. Угрозами, посулами, а то и мечом разведывали местонахождение царя Михаила. Вацлав вспоминал, как его первый раз начали одолевать сомнения в правильности пути, после того, как несколько суток они брели по лесной глухомани, перед тем как подойти к Никольску. В Никольске собрался совет предводителей всех отрядов. Шляхтичи долго спорили и ругались, но к единому мнению

так и не пришли. Единственно, в чем они сошлись — идти дальше на восток смысла нет. Какой может быть царь в непролазных дебрях? Несколько отрядов повернули назад к Москве. Но самые настойчивые решили искать — заветная награда не давала покоя. Пан Сброжек, друг Вацлава, решил идти от Никольска на юг, через Увалы на верховья Унжи и дальше на Кологрив, а Вацлаву рекомендовал пройти восточнее через Мерский край и искать Слободский монастырь. При прощании уговорились встретиться на Унже у Макарьева. Если не врут эти русские разбойники, там все торговые пути этих краев пересекаются. Через два дня пути коней пришлось остановить в каком-то ските. Поживившись за счет нехитрых монашеских запасов, отряд Вацлава начал трудное многодневное путешествие по преодолению Северных Увалов. Дней через десять по едва заметной тропинке отряд вышел в верховья реки, которая образовалась путем слияния двух речек поменьше. Даже русский из отряда Вацлава не знал, куда может вывести эта река. По рассказам монахов из лесного скита, какая-то должна была выходить в Мерский край. Где-то там, на берегу большого болота, и стоял Слободский монастырь. Его поиски заняли неделю. Овчинка не стоила выделки — монастырь был деревянный, захудалый и никакого царя в нем не было. К тому же возникли разногласия с людьми из слободки, которые не желают отдавать пришельцам свои запасы. Ссора была серьезной. Двое крестьян из слободки были зарублены. И наутро не вернулся с соседней займки один из панов вместе с десятью своим холопами — ходили на разведку и — как в воду канули. Пан Вацлав с досады приказал спалить займку. Настороженные поляки отошли к реке, долго вязали плоты, наконец погрузили оружие, припасы и тронулись. Дня через два стали попадаться многочисленные следы человеческого обитания. Наконец, река вышла прямо к холму, на котором стояла церковь с погостом, а рядом на другом холме слева виднелись жилые постройки. Пан Вацлав велел не вступать в конфликт с местными жителями, по возможности выведать обстановку. Путного ничего не узнали, кроме того, что церковь называлась именем Святого Егория. Жители были настроены недружелюбно, припасов отдавать не хотели, хотя

хлеб с полей уже был убран, в амбарах его почти не было. Домашней скотины тоже не было видно. Поляки уже собирались плыть дальше, но непредвиденное событие помешало продолжить путь. Один из холопов донес Вацлаву, что видел в поселении нескольких вооруженных людей, по виду казенных стрельцов, которые скрылись при приближении поляков. Войнство Вацлава бросилось в погоню. При приближении к одному из домов послышался выстрел. Поляки замерли, потом разом бросились на штурм. Из-за дома выскочило несколько стрельцов с бердышами и топорами. Схватка была короткой. Стрельцы были перебиты. Местные жители подняли переполох, но из домов никто не вышел — преимущество пришельцев было велико. Один захваченный живым стрелец пояснил, что является служилым человеком какого-то князя. Место нахождения царя он не знал или не хотел говорить. Когда сажались на плоты, на берегу вдалеке Вацлав заметил движение каких-то людей. Он понял, что совершил ошибку, вступив в конфликт с местным населением. Страна чужая, путь незнакомый. Приуныли и остальные. Один из русских панского отряда незаметно отстал и скрылся. Река вывела отряд к песчаному холму, самое место для ночлега. Холопы разводили костры, ставили палатки. Пан Вацлав приказал людям быть особенно бдительными. Сам он с берега смотрел на речку и думал: «К черту эту дремучую страну, где все ходят в сермяжных одеждах, едят черный хлеб, да пьют хлебную настойку на воде. Домой, только домой. Обидно, конечно, сколько добрых шляхтичей оставили свои кости в бескрайней русокой земле. Не видать нам награды за русского царя. Паршивого грошовика не добыл Вацлав на этой земле, где люди ходят в обуви из лыка да березовой коры. Бедная Мартуся, она уже опит, наверное, накрывшись накидкой из меха».

Ночь скрыла все, только костры вырывали из мрака фигуры сторожевых. Слышался какой-то непонятный плеск внизу по реке — то ли утка возналась, а может, лось переходил речку. С севера донесся какой-то глухой непонятный звук. Часовые насторожались. Одному показалось, что в кустах над берегом кто-то возится. Весь отряд поднялся, готовили оружие, зажигали фитили, вопль сторожевых поднял на ноги всех. Со стороны леса, сверху и снизу по реке на вооруженных поляков хлынула масса людей. Это были крестьяне из окрест-

ных деревень, займок и починок. вооруженные кто чем мог — топорами, вилами, косами и просто дубинами. Отряд Вацлава отбивался сумбурно и суматошно. Бежать было некуда. Зазвенели вышибаемые дубинами из рук булатные мечи. Полилась польская кровь на межевскую землю. Пан Вацлав успел увидеть, как от ударов топора рухнула выскочившая из палатки Мартуся, потом мелькнули неистово рубящиеся по колену в воде под берегом черные тела. Яркая вспышка жестоко ударила по мыслям ясно-вельможного пана.

Все кончилось внезапно, как и началось. Мужики стрельцы ходили по телам убитых врагов, собирали оружие. Крестьяне удивлялись, что вместе с паном была и паниха. Жалко бабу, подвернулась, сердечная, под топор. Убитых хоронили к вечеру под берегом. Поп их отпевать не стал. Любопытные осматривали место побоища, потом возвращались назад, в сторону Починка, который после прошедшей битвы потомки будут называть Губино.

(Звонов Б. Н., Межевской р-н
Запись АКБ)

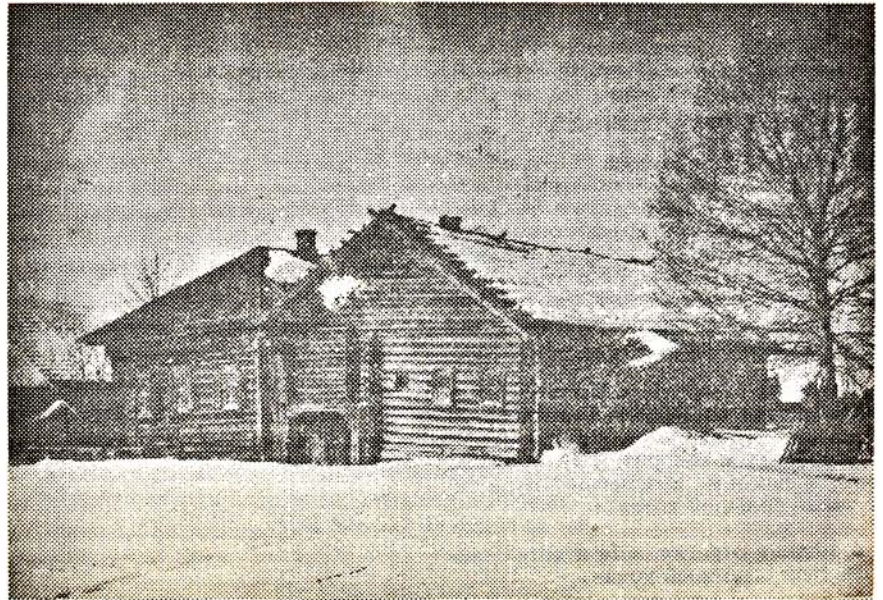
Легенда о деревне Фурово

Из Вятской области приехал на хутор мужик Фура. Потом приехал его свояк Иуня. Они стали разрабатывать земли, рубить лес по реке Кузюг. Потом к ним приехал Авдей. Между ними начался дележ владений. Иуня убил Фуру. Завладев сенокосными угодьями по реке Шайма, Иуня разбогател. В это время по реке Вохма орудовала банда в 12 человек. Эта банда напала на Иуню и обокрала его. Иуня соединился с хуторянами по реке Вохма и стал преследовать разбойников. Иуня с хуторянами напала на лагерь разбойников. Иуня приткнул деревянными вилами атамана к

земле и стал требовать вернуть свое добро. В обмен на жизнь атаман согласился вернуть все. Бандиты все вернули Иуне и хуторянам. Разбойники в конце концов были разгромлены.

Другая легенда гласит о том, что атаман вез сундук с золотом. Когда же его стали крестьяне преследовать, а потом и догонять, он бросил сундук в реку Вохму. Речку потом так и стали звать Вохма — «Золотое дно».

(Гробов Н. С., д. Аверино,
Павинский р-н. Записано
Куимовой Т. Н., Барановой Н. А.)

Деревня в Солигаличском уезде. Фото С. А. Орлова. Нач. века.

Как слуга чай варил

В старое время у барина жил лакей из деревенских неграмотных парней. Вот что он рассказал.

Раз прислал мне барин чаю и велел его сварить (заварить). А я отроду не знаю, как проклятый чай варить. Взял я все и сделал на скорую руку. Чай весь высыпал в горшок, на приправу — перец, луку и петрушки корешок. Чай мой вышел — объядение.

Раза два прокипятил и немножко, в украшение, сверху маслица подлил. Чай готов, извольте кушать, снял я с барина пальто. Молодец же, будь исправен и вари чай разов пять. Ты получишь в награждение рублей пять. А пять рублей ведь денег много, с ними можно загулять и Акулька-недотрога меня будет уважать.

Слышу барин расхотелся, меня в горницу позвал, в волосы мои вцепился и таскал меня, таскал.

Ему попала в руки скалка, он меня на кухню проводил, и слетел я вверх тормашками, не нашел своих дверей.

Долго думал я, старался, чем ему не угодил, а потом я догадался: я забыл и чай не посолил.

Небылица

Шли городом два друга: огородник и медник. Медник и говорит: «Какие крупные кочаны калусты в этом городе». «Что это за кочаны, — говорит огородник. — Вот я как-то вырастил кочан величиною с дом».

А медник говорит: «А я вот как-то сковал котел величиною с церковь».

Огородник и говорит: «Что же ты, друг, врешь и не краснеешь? Куда тебе такой большой котел?»

А медник ответил: «Да я котел сварить твоей огромный кочан».

(Мочалов Н. Д., 1904 г. р., д. Мостовая Павинского р-на. Запись Кунимовой Т. Н., 1991 г.)

Костромская свадьба

Свадебные традиции имеют удивительное свойство: они отличаются великим разнообразием, что объясняется особенностями этнической истории населения той или иной местности, и одновременно составляют единое целое. Этим свойством обусловлена уникальность каждого элемента свадебного обряда и неоспоримая важность его изучения.

Народные обычаи и традиционные обряды не ушли в Лету, их жизнь продолжается, потому что народная мудрость не может исчезнуть бесследно. Сотрудниками агиткультбригад ряда районов Костромской области собран материал, подтверждающий это. Старожилы помнят свадебные традиции своего края, берегут их и стараются передать молодым. Костромичи владеют прекрасными образцами произведений народного искусства, умеют не только хранить, но и творить, продолжая традиции русского фольклора.

Несмотря на местные различия обычаев, логическая целостность свадебной обрядности позволяет показать элементы локальных традиций, условно объединенных в цепь свадебных событий.

...

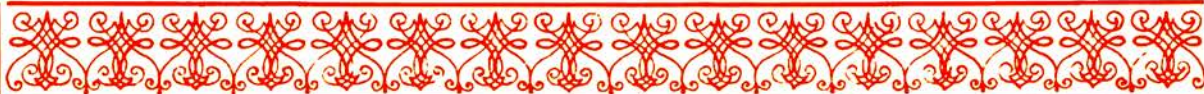
Свадьбы обычно игрались зимой, в период между постами, от святок до масленицы. В это время в домах девушек-невест всегда держали наготове всякую снедь, чтобы было чем угостить приехавших вдруг сватов.

Сваты приезжали вечером, старались войти в дом тайком, чтобы никто из соседей не видел. Разговор о цели своего прихода заводили не прямо, а присказками: «У нас со двора пропала телка, не прибилась ли она к вашему дому?».

«Нет, — отвечает хозяин, — не прибилась, но есть у нас девица-красавица».

«Вот и хорошо, — говорит сват или сваха, — а у нас есть добрый молодец. Ваша-то девица да понравилась нашему молодцу».

(Сорокина М. М., 1903 г. р., д. Готовцево, Галичский район, запись Смирнова Н., 1991 г.)

Чтобы дело сладилось благополучно, следуя обычаю, сват касался рукой печи и стола, приговаривая: «У нас — купец, у вас — товар», или «У нас — женишок, у вас — невеста, нельзя ли свести в одно место?»...

(Смирнова М. М., 1912 г. р., с. Контево, Буйский район).

Родители девушки накрывали на стол, угощали незваных гостей. При первой встрече не всегда и не везде решался вопрос о свадьбе. В этот вечер устраивались смотрины да угощения. Потом невеста с родителями отправлялась смотреть хозяйство жениха. И только после этого, если обе стороны «глянулись» друг другу, родственники невесты давали согласие на брак и договаривались обо всех свадебных приготовлениях.

Теперь, когда состоялся оговор, девушка становилась «сговоренкой», о скорой свадьбе которой знала вся округа. С этого времени к сговоренке каждый день приходили подружки. Они помогали ей в последних сборах приданого и подарков и проводили с нею грустные вечера, прощаясь со своей подружкой, которая никогда больше не вернется в их девичий хоровод. Невеста плакала, причитала, а девушки пели красивые печальные песни. Вот одна из них:

Отставала лебедушка
Да от стада лебединого,
Да приставала лебедушка
Да ко серым гусям.
Да ее гуси стали щипать,
Да она стала крикати:
Да не щиплите, гуси серые,
Да не сама я к вам пришла,
Да занесло меня непогодю
Да во чужую во деревнюшку,
Да во большую во семееюшку.
Да что и свекор-то-батюшко,
Да как осока резучая,
А свекровушка-матушка,
Да что крапива жгучая,
А золовушка-матушка,
Да что шипика колючая.

(Терентьев Л. Г., 1912 г. р., д. Быстрово, Поназыревский район, запись Мельковой Л. А., 1991 г.).

Каждый предсвадебный день имел определенное назначение, традиционно соблюдаемые обычаи. В это время невеста оплакивала горе своего расставания с родительским домом, с вольной девичьей жизнью.

Воля — мое красованье,
Воля — мое девичье гулянье,
Ты куда, воля, девалась? —
В чистом поле да зашаталась,
В синем море да закупалась.
Занесло волю да в неволю,
В неволюшку да в большую
И в славушку да во худую.

(Резина М. И., д. Турово, Кадынский район).

В последний раз молодежь собиралась в дом невесты на девичник, в последний раз пели вместе песни, вспоминая беседы и гуляния. Сговоренка «выла»:

Посидите-ка, подруженьки,
Посидите, белы лебеди,
У меня-то на беседушках.
Вы попойте-ка, подруженьки,
Веселы да песни радостны,
Развеселите-ка подруженьку,
Вы меня да молодешеньку.

Девушки утешали ее величальной песней:

Виноградна ягода,
Ой, виноградная ягодка,
Ой, ненаглядная подруженька,
Ой, что Марья-то Ивановна,
Ой, с красотой уродилася,
Ой, виноградом наливалася,
Ой, что Ивану показалася,
Ой, что Ивану вся понравилася.

(Земскова А. Г., 1924 г. р., Козлова А. И., 1919 г. р., с. Ковалево, Нерехтский район, запись Сергеевой Н. В., 1991 г.).

Предсвадебные плачи невесты — великолепные образцы русского поэтического фольклора. В монолог невесты влетали протяжные песни и наговоры подруг. Они никого не могли оставить равнодушным.

Уж не лезьте вы, подруженьки,
На печку-то кирпичную,
Да за столбушку за горемычную.
Да уж подойдите же вы, подруженьки,
Ко мне да ко горемычной.
Да не гневайтесь вы, подруженьки,
Что я-то вас не встретила,
Да словом ласковым не приветила
Да середь улочки широкие,
У крылечушка тесового,
На своем-то мосту калиновом.
Да калиночек-то ломается,
Да девичья краса-то кончается.
Да уж спрошу-то я вас, подруженьки,
Да уж любезные вы голубушки,
Да уж придет ли весна красная,
Да разольются-то реки быстрые,
Да уж придете вы на гуляньице, —
Да уж зайдите-ко вы, подруженьки,
Да уж любезные вы голубушки,
Да уж ко мне-то ко младе горькой,
Да уж ко мне-то ко горемычной.
Да уж зайдите же вы, подруженьки,
Да уж возьмите-ко вы, голубушки,
Да мою-то вы девичью красу-то
Да на веселое на гуляньице.
Уж спрошу-то я вас, подруженьки,
Спалось ли вам темная ноченькой?
Да мне-то, младе горькой,
Не спалось темная ноченькой
Да на заре-то я призабылася,
Да уж во сне-то да мне приснилася —
Да под мое-то да под взголовице
Разлилася-то быстрая реченька.
Да по этой-то быстрой реченьке
Да уж плыли гуси-лебеди,
Они плывут да обрываются,
За шелкову траву хватаются,
Шелкова трава ломается,
Да девья краса-то кончается.

(Харитонова Е. А., д. Завражье, Кадынский район).

Прошло положенное договором время: сварено пиво, приготовлено угощение; остались позади предсвадебные дела и заботы, обычаи и обряды, издавна соблюдаемые в той или иной местности. Накануне свадебного дня намечалось возить невесту в баню. Обрядовая баня — это целый ряд обычаев, магических действий, которые должны были охранять невесту от порчи, обеспечить ей здоровье, любовь и благополучие в доме мужа.

Все просьбы, все переживания передавались через песни и причитания. В селе Ковалево Нерехтского района перед баней девушки расплетали невесте косу и пели:

Уж ты, елка наша, сосенка,
Да зеленая да кудрявая,
Зеленая да кудрявая,
Да на тебе ведь, елка-сосенка,
Да много сучьев, много отраслей.
Да одного сучочка нету-тко,
Одного сучочка нету-тко.
Да что сучка с одной вершиночки,
Что сучка с одной вершиночки.
Да а у нас подружки нету-тко,
А у нас подружки нету-тко,
Да что подружки нашей Манечки,

Что подружки нашей Манечки,
Да что сказала, — нонче замуж не пойду,
Что сказала, — нонче замуж не пойду
Да не за князя, не за барина,
Не за князя, не за барина,
Да ну я вышла за крестьянина,
Ну я вышла за крестьянина.

(Земскова А. Г., 1924 г. р., с. Ковалево, Нерехтский район, запись Сергеевой Н. В., 1990 г.).

Этот последний вечер в родном доме был для невесты долгожданным и тревожным, радостным и грустным. С завтрашнего дня ее ждет новая жизнь. Какой она будет?.. Сбудется ли все, о чем думалось и мечталось? А может быть, впереди много горя и слез?.. И некому будет выплакать их в чужом доме.

Расплели-то мою косу девичью,
Косу русую, да красу девичью.
Подойди, родимая матушка,
Причеси мою головушку,

Крестьянская семья, д. Шаблово Кологривского уезда. Фото Е. Честякова, 1916-е годы.

И отдай мою красу девичью
 Моим подруженькам.
 Подружки мои милые,
 Погорюем вместе горюшко,
 Поделим мы тоску-кручинушку.
 Нарушили-то красу девичью,
 Красу девичью, да волю вольную.

(Палова О. Ф., 1907 г. р., с. Григорцево, Нерехтский район, запись Горшковой Е. Н., 1990 г.).

Свадьба — праздник для всей округи, день приметный на долгие годы. Участники свадьбы (и гости, и «глядельщики») были отнюдь не пассивными наблюдателями, — их роль определялась традиционным свадебным чином и пониманием того значения, какое каждый из них имел в этом событии. Считалось, что от того, каким образом пройдет свадьба, как ее «сыграют», зависела во многом будущая совместная жизнь молодой пары.

В день свадьбы руководство действием от свахи или свата переходило в руки дружки — неженатого, остроумного, знающего обряд парня, распорядителя свадебных торжеств и развлечений.

В Нерехтском районе (с. Ковалево) перед тем, как «поезд» жениха отправлялся за невестой, дружка приглашал всех поезжан: «К новобрачному князю, к молодой княжне — хлеба кушати!».

Объехав всех родственников и собрав к дому жениха, дружка обращался к его родителям и присутствующим:

Сватушка коренной и свaxonька коренная.
 Вы сродников созывали, поезд собирали.
 Новобрачного князя снаряжали,
 В цветное платье одевали,
 За столы дубовые сажали.
 Сидят гости собранные, поют, прохладжуются,
 Храбрым поступком похваляются.
 У тебя, сватушка, на дворах их широких
 Стоят кони запряженные,
 Во дороженьку припасенные,
 Стоят кони, поминаются,
 Новобрачного князя дожидаются.
 Новобрачный князь собирается,
 Просит родительского благословения.
 Благословите, сватушка, свое дитя.
 Благословите!
 Поднебесные пташки распевали,
 Новобрачного князя увеселяли.
 Идет наш новобрачный князь
 По свою новобрачную княгиню,
 Сужену взять, ряжену взять
 По божьему велению,
 По господскому приказанию,
 По мирскому приговору.
 Благословляйте!
 Добры люди!
 Гости полюбовные!
 Званые и незваные,
 Усатые и бородатые,
 Холостые и неженатые,
 Благословляйте!
 Молодые молодки,

Хорошие походы,
 Серебряны сережки,
 Дочери отецки,
 Жены молодецки,
 Благословляйте!
 Красны девицы,
 Чесаны головы,
 Обутые голени,
 Крыночные блудницы,
 Сметану снимали,
 Кокурки месили,
 Пастушков дарили.
 Благословляйте.

(Постенников А. М., 1921 г. р., с. Федоровское, Нерехтский район, запись Сергеевой Н. В., 1991 г.).

По приезду к дому невесты дружка первым входил в избу со словами:

Подъезжаю, друженька, ко двору.
 Стой, конь, не шатайся.
 Никому в руки не давайся,
 Дайся тому, кто мил сердцу моему.
 Здравствуй, хозяин с хозяйкою... (фрагмент)

(Кудрявцева Е. Н., 1913 г. р., д. Серапиха, Чухломский район, запись Дульцовой З. Н., Феопентовой Т. И., Волковой Т. А., 1991 г.).

«Мы приехали не по рожь, не по пшеницу,
 а по красную девицу», — говорил дружка.

(Старостина Е. Н., 1912 г. р., с. Лужок, Буйско-го района).
 и просил вывести невесту, чтобы отправиться к венцу.

Обряд вывода невесты к дружке или к жениху очень интересен и имеет много вариантов. В Поназыревском районе жених давал подругам выкуп за невесту: только после этого ее выводили в горницу.

Ты река ли, речка быстрая,
 Да быстрая, да бережистая,
 Ты бежишь, да не колыхнешься.
 Да ты, душа ли красна девица,
 Ты сидишь да не улыбнешься,
 Да ни к чему да не приступишься.
 Да ни к матушке, да ни к батюшке,
 Да ни к подружкам своим, голубушкам.
 Тебе не та да лора пришла,
 Что сидеть, да разговаривать,
 А еще тебе лора пришла —
 Ко злату венцу ехати
 Со своим-то суженым
 Со Иваном свет Васильевичем.

(Терентьева Л. Г., 1912 г. р., д. Быстрово, Поназыревский район, запись Мельковой Л. А., 1991 г.).

Свадебное празднество («красный стол») справлялось чаще всего в доме жениха. В Кадыйском районе (д. Марьино), как только гости садились за стол, свекровь подходила с пирогами к укрытой шалью невесте, открывала ее и обращалась к присутствующим: «Хороша ли моя молодая?». Все отвечали: «Хороша! Хороша! Как бы кружечку вина, еще лучше бы была». Начиналось угощение. В это время девушки выносили т. н. «девью красоту» — здесь елочку, украшенную лентами и свечами.

Женщины в праздничном костюме Костромской губернии.

Гуси на море, позатихните,
Люди в тереме, позамолкните.
Белая березонька завивалася,
Девья красота поднималася.
Из-за печки кирпичной,
Из-за столбушки горемычной,
Из-за занавески шитобраной,
От травеньки покошенной,
От Марьи Ивановны оговоренной,
Раздайся, народ, расшатайся, народ,
Девья красота идет.
Не сама она идет, —
Красна девица несет...

(фрагмент).

(Чистякова А. И., 1939 г. р., д. Марьино, Кадыйский район, запись Литвиновой Н. В., 1991 г.).

Согласно местным обычаям, вынос девьей красоты происходил в разные моменты свадебного обряда: в день сговора или во время девичника, в день свадьбы — до венчания или после венца. Это очень красивое действие, которое чаще всего вспоминается информаторами. Вынос девьей красоты всегда сопровождался песнями и наговорами. Наговоры на девью красоту легко запоминались, давали свободу творчества исполнителю, со вниманием слушались, по силе воздействия уступали, пожалуй, лишь плачам невесты.

...Красота, девья красота,
Нам куда будет красу девать?
Унесем мы девью красоту
Во батюшко поле чистое,
Мы поставим девью красоту
На зеленую травинку
Тут и шел-прошел прохожий —

Удалой добрый молодец (имя)
Со косою, со острою.
Подкосил он эту травинку.
Подсушил девью красоту.
Тут и шла-прошла прохожая —
Душа красная девица (имя).
Она стояла-постояла.
Что не стонет ли сыра земля,
Что не плачет ли девья красота?
Она плачет и мечется,
На белы руки просится.
Ты возьми-ка, свет девица,
На свои руки белые
Ты меня, девью красоту.
Уж я рада бы взять тебя,
Да мне некуда девать тебя.
Ты, родимая маменька,
Ты возьми девью красоту,
Передай девью красоту,
Передай ты родной сестре.
Пусть она ей любится.
Пусть она ей красуется. (Фрагмент).

(Кудрявцева Е. Н., 1913 г. р., д. Серапиха, Чухломский район, запись Дульцевой З. Н., Феопентовой Т. И., Волковой Т. И., 1991 г.).

...Посмотри, наша подруженька,
Посмотри, наша голубушка!
На свою-то на девью красоту,
На свою-то на красовитую.
Что ведь этому-то деревцу не бывать два раза
в зелени,
А тебе, наша подруженька, не бывать два раза
в девицах.

(Фрагмент).

(Лебедева М. А., 1914 г. р., Галичский район, запись Смирнова Н., 1991 г.).

После выноса девьей красоты девушки пели величальные песни и припевки. Первыми славили «молодого князя со княгинею», затем родителей молодоженов, крестных родителей, свазку или свата, дружку, прочих гостей.

Виноград в саду растет,
Виноград в зеленом растет,
Ягода, ягода наливаются (2 р.)
Виноград — Николай-то господин,
Виноград — сын Иванович,
Ягода, ягода — что Мария-душа,
Ягода, ягода — что Васильевна.
Над ним люди любовались (2 р.)
Что хороши да пригожи уродились (2 р.)
Дай вам бог совет да любовь (2 р.)
Во совете, во любви хорошо бы вам прожить (2 р.)

(Лебедева М. А., 1914 г. р., д. Готовцево, Галичский район, запись Смирновой С. Н., 1991 г.).

Как на горенке два дубчика стоят,
Как на ветве дубчика два голубчика сидят.
На дубчике два голубчика сидят,
Промеж собой разговаривают (2 р.)
Меня молодца хвалят (2 р.)
Ште нет у нас такого молодца: (2 р.)
Он из тысячи на тысячи ступал,
Он ремнями мне ворота отпирал (2 р.)
По пяти рублям за писенку давал (2 р.)
Свою женку из неволи выкупал.
А его-то женка — барыня,
Ой, да крадецка написанная,
На бумаге нарисованная.
А у крадецки густые волоса,
Под гребеночкой завитая коса.

(местные фонетические особенности сохранены)
(Уткина Т. К., д. Михалиха, Шарьинский район).

***

Женихова-то сваха — гордена,
Она пешем молиться не ходит,
Она сивых-то коней не любит,
Ой, все для нее, ой, все для нее —
Пара коней вороные,
Кони-то вороные,
Повознички молодые.

(Терентьева Л. Н., 1912 г. р., д. Быстрово Поназыревский район, запись Мельковой Л. А., 1991 г.).

За величание девушки получали дары. Если же подарок не нравился или же был слишком мал, или просто хотелось кого-либо подзадорить, девицы заводили припевки.

Да уж вы сватами хвастали,
Да кулаками об стол хрястали,
Что у вас дары-то на семи верстах,
Да переводы до Обжорова.
Что и свату-то-хвастуну —
Четыре чирья в бороду,
Пять — в самое горлышко
Заместо красну солнышку.

(Терентьева Л. Н., 1912 г. р., д. Быстрово, Поназыревский район, запись Мельковой Л. А., 1991 г.).

Свадебный пир продолжался и после того, как новобрачных уводили в отдельное помещение «почивать». А на следующее утро «будили молодых», устраивали «умывашки», били горшки, встречали ря-

женных, пили «золотую чарочку» и пр. Гости расходились и разъезжались по домам, а молодые отправлялись гостить к родителям невесты («хлебины», «отзовины»). И потом еще долго ездили в гости к родственникам, бывшим на свадьбе.

Этим свадебные обычаи и обряды не заканчивались. В масленичное гулянье молодым уделялось особое внимание. Они были главными участниками обрядов и магических действий, которые должны были обеспечить благополучие им самим, плодородие земли и будущий урожай для всей крестьянской округи.

В субботу на пасхальной неделе или на следующий день в Фомино воскресенье к дому молодоженов приходили «окликальщики» (ими могли быть женщины, мужчины, молодежь, дети), чтобы повелить молодых супругов.

Ты позволь, позволь, хозяин,
На ново крылечко встать.
Молодую окликать.
Что ведь наша молодая
В зеленом саду гуляла,
Сладки вишенья срывала,
На золотое блюдо клала,
На серебряный поднос, —
Кто бы милому поднес.
Молодая молодца,
подавай наши яйца,
Не подашь яйца —
Потеряешь молодца,
Будешь ветреница.
В хлев запрем, помелом припрем
И не выпустим.

(Сорокина М. М., 1903 г. р., д. Готовцево, Галичский район, запись Смирновой Н., 1991 г.).

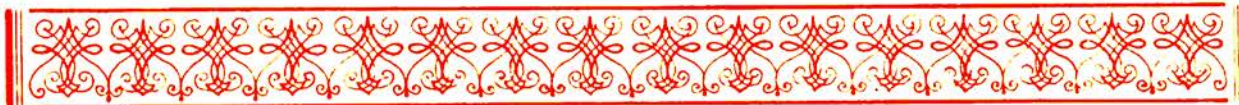
Если окликальщики не получали достаточного угощения, то молодым предназначались корильные припевки и приговоры.

Во болоте дуганы и не вырублены,
Что у Вани жена и не выучена.
Учит год, учит два, а на третий год
Всем по лапоткам сплетет:
И себе, и жене, да и детушкам.
Детки по миру пойдут.
Кошелями затрясут.
Кошели-то черные,
Дуганы точеные.

(Сорокина М. М., 1903 г. р., д. Готовцево Галичский район, запись Смирновой Н., 1991 г.).

Этот обряд назывался «выюнишником», «выгонинами», «кликушником», «окликаньем молодых». Народное искусство всегда было связано с жизнью, с бытом людей. В фольклорной традиции запечатлена живая народная мысль, жизненная практика и мировоззрение народа. Поэтому только желание узнать и понять, стремление собрать и сохранить, только старание изучать и помнить, умение владеть и воплощать в жизнь все то, что мы называем фольклором, дадут великую радость и достойную гордость любви и уважения к своей истории, к своей культуре, к своему народу.

Материалы обработаны и подготовлены к публикации Светланой ГУСЕВОЙ.

С В Я Т К И

КОЛЯДКИ, ГАДАНИЯ, ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ

В глубокую древность уходят корнями традиции календарной обрядности. Праздники, обряды, обычаи, соответствующие каждому времени года, связаны с почитанием земли и солнца, с представлением об устройстве мироздания, с хозяйственно-практическими нуждами людей и их благополучием. Сложный комплекс календарно-обрядовой поэзии отражает народную философию взаимодействия природы и человека.

Началом нового года считался момент возрождения солнца. Зимний солнцеворот утверждал победу света над мраком. Цикл праздничных обычаев и обрядов, очень разных по времени и происхождению, связан с этим удивительным временем. Зимние святки делились на два периода: так называемые «святые вечера» (25 декабря — 1 января) и «страшные вечера» (1 января — 6 января). Праздник начинался колядованием — обходом домов с пением песен-благопожеланий — **колядок**.

Коляда, коляда, не хочешь ли пирога?
Не ломай, не ломай, весь подавай!
Коляда, коляда, подай нам пирога!
Не дашь пирога, — мы быка за рога,
Мы — телицу-годовицу,
Мы — корову-яловицу,
Овцу-ягоницу,
Кошку-лакомицу.

Приходила коляда накануне рождества!
Кто дает коляды — тому двор животных,
Огород огурцов!
Кто не дает коляды, — тому двор чертей,
Огород червей!

(Павлова Н. В., 1907 г. р., с. Григорцево, Нерехтский район, запись Горшковой Е. Н., 1991 г.).

Обычаи и обряды новогоднего святочного цикла включали в себя ряжение, игры, гадания, которые должны были повредить о предстоящих событиях в году. В материалах, собранных сотрудниками районных Домов культуры Костромской области, описаны гадания, предвосхищавшие будущее замужество или женитьбу.

Выйдя на перекресток, верхом на ухвате девушка «объезжала» против солнца круг с приговором: «Наше свято, ваше проклято». Все это повторялось три раза. Затем ложилась на снег лицом вниз, ухом к земле и слушала: зазвенят колокольцы — значит, быть ей замужем в этом году. А чтобы не случилось ничего дурного, надо было сразу же разворожиться, сказав три раза приговор-заклинание наоборот: «Ваше свято, наше проклято».

(Бахмурова А. К., 1900 г. р., д. Иваново, Галичский район, запись Козыревой Н. П., 1991 г.).

Бросали башмак через ворота на улицу: — если башмак ляжет носком к воротам дома, — то сидеть нынче в девках, если же носок будет обращен в какую-либо сторону, — туда и замуж идти.

(Левакова А. А., 1912 г. р., д. Миснево, Павлова О. Ф., 1907 г. р., д. Григорцево, Нерехтский район, запись Ивковой Л. А., 1990 г.).

Идентичны гадания с лаптем, который бросали в сторону (куда лапоть с ногом упадет); или с сапогом, который скидывали с ноги: улетит далеко — замуж идти в дальнюю деревню, близко — в ближнюю.

(Обухова А. И., 1915 г. р., д. Новая, Бахмурова А. К., 1900 г. р., д. Иваново, Галичский район, запись Козыревой Н. П., 1991 г.).

Чтобы узнать, откуда ждать жениха, девушки ходили ворожить на «кресты», «ростани» (т. е. на перекрестки дорог). Стоя с оловником в руках, приговаривали: «Я поля, поля снежок. Где мой женишок? Где собака взлетает, тут и женишок мой».

(Смирнова Т. П., 1919 г. р., Козырева М. Н., 1917 г. р., д. Обуховица, Шарьинский район, запись Соколовой Л. Б., 1991 г.).

Или же, подойдя к забору, говорили: «Залай, залай, собаченька, залай, серенький волчок. Где собака залает, — там мой суженый». В какой стороне послышится собачий лай, — туда девушке замуж идти. Чем глуше звук, тем дальше находится дом жениха. Звонкий лай — муж будет молодой: хриплый, резкий лай послышится — значит придется выходить за старика.

(Левакова А. А., 1912 г. р., д. Миснево, Павлова О. Ф., 1907 г. р., д. Григорцево, Нерехтский район, запись Ивковой Л. А., 1990 г.).

Велико было желание увидеть будущего суженого, но не каждая решалась на это. Если любопытство побеждало страх, девушка отправлялась в нежилое помещение, ставила перед собой стакан с водой, опускала туда обручальное кольцо и долго смотрела в него или в его зеркальное отражение. Если показывался чей-либо силуэт или лицо, надо было немедленно прикрыть стакан скатертью или платком. С этой же целью смотрели в блюдо с водой, в зеркало.

(д. Миснево, д. Григорцево, Нерехтский район, д. Обуховица, Шарьинский район, д. Иваново, д. Новая, Галичский район).

Чтобы увидеть суженого во сне, клали под подушку гребень с приговором: «Суженый-ряженный, причеши мне голову», или делали мостик из прутьев и, ложась спать, говорили: «Кто мой суженый, кто мой ряженный, тот и переведет меня через мост».

(Левакова А. А., 1912 г. р., д. Миснево, Павлова О. Ф., 1907 г. р., д. Григорцево, Нерехтский район, запись Ивковой Л. А., 1990 г.).

Запирали на ночь ведро с водой (вешали замок на его дужку), а ключ клали под подушку со словами: «Суженый-ряженный, приходи коня поить, ко мне ключи просить».

(Обухова А. И., 1915 г. р., д. Новая, Галичский район, запись Козыревой Н. П., 1991 г.).

Шло время свадеб. Следом за Рождеством начиналось сватовство, а до масленицы отыграют все свадьбы. Как же не волноваться, не переживать о том, предстоит ли в скором будущем стать невестой или придется еще год в девках сидеть да о женихах гадать. Каждый день святок девушка внимательно прислушивается к словам, сказанным впервые. «Собирай-ко на стол», — скажет мать. «Значит, надо»

сватов ждать», — толкует дочь по-своему эти слова. «Иди на улицу». — не миновать замужества. «Дома сиди», — не бывать невестою в этом году.

(Обухова А. И., 1915 г. р., д. Новая, Галичский район, запись Козыревой Н. П., 1991 г.).

(Бахмунова А. К., 1900 г. р., д. Ивањково, Галичский район, запись Козыревой Н. П., 1991 г.).

Выйдут девушки на улицу, попятятся к забору и считают тычины парами: если в конце прясла останется одна тычина, то и девушке быть одной весь год.

(Бахмунова А. К., 1900 г. р., д. Ивањково, Галичский район, запись Козыревой Н. П., 1991 г.).

Среди святочных гаданий особое место занимают так называемые **подблюдные гадания**, которые складывались в спев коротких песенок, предсказывающих будущее. Девушки клали в блюдо свои кольца, серьги, ленты, пуговицы, накрывали его платком,

скатертью или полотенцем и начинали гадание. Вынимая чье-либо колечко, припевали каждому своеобразную словесную формулу — заклинание: «Кому вынется, тому сбудется. Тому сбудется, не минуется».

Ныне у нас страстные вечера, илею,
Страстные вечера, да Васильевские, илею,
Поют песни первоначальные, илею,
Кому эта песенка достанется, илею,
Кому сбудется, не минуется, илею.

• • •

Ходит кошечка да по лавочке, илею,
Водит котика да за лапочку, илею,
Кому эта песенка достанется, илею,
Кому сбудется, не минуется, илею.

(к рождению ребенка)

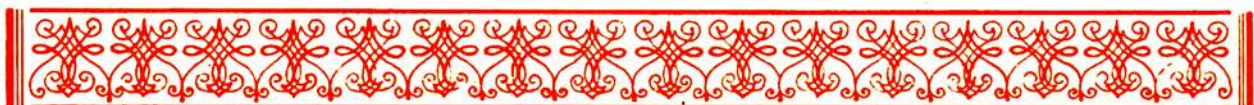
• • •

Во поле береза сто годов стоит, илею,
Она не старится, да все кудрявится, илею,
Кому эта песенка достанется, илею,
Кому сбудется, да не минуется, илею.

(к богатству)

На гулянье, д. Шаблово Кологривского уезда. Фото Е. Честнякова 1910-е годы.

• • •
 Как на дубчике — два голубчика,
 Они целуются и милуются.
 Кому эта песенка достанется,
 Кому сбудется, не минуется.

(к замужеству)

• • •
 Стоят саночки снаряженные,
 Как бы сесть в них, да проехаться.

(к дальней дороге)

• • •
 Ползет жучок по завалинке,
 Он утащит казну на мочалинке.

(жить в бедности)

(Павлова О. Ф., 1907 г. р., с. Григорцево, Нерехтский район, запись Горшковой Е. Н., 1990 г.).

• • •
 Илею. Что поныне-то у нас
 Да святые вечера.
 Что святые вечера,
 Да Васильевские.
 Мы не песни поем —
 Да хлебу честь воздаем.

• • •
 Растворили квашенку на денушке,
 Взюшла наша квашенка всполным-полна.
 Кому хорошая достанется,
 Тот будет жить сполна.

• • •
 Лежит на гумнешке три ворошка.
 Из первого ворошка пиво курить,
 Из второго ворошка хлеб пекчи,
 Из третьего ворошка вино приготовить.

• • •
 Порхалась курочка у царя под окном,
 Выпорхала курочка злат перстенок-отриставочку.
 В первой отриставочке сто рублей,
 Во второй — тысяча рублей,
 А в третьей и сметы нет.

• • •
 Прикатилась бусерина ко кроваточке,
 Здравствуй, жених, да со невестой лежит.

• • •
 Идет щеголь по улице,
 Тар-тара-ры, подколени голы,
 Втоки выпадали.

• • •
 Ушла наша коровушка в лес по дрова,
 Пришла наша коровушка с приполоком,
 Да с теленочком.

• • •
 Еще ходит котик в печурку спать.
 Местечко узехонько — улягутся,
 Одеядышко коротенько — укроется.

• • •
 Ходит котик по лавочке,
 Водит кусырка за лапочку.

• • •
 С улицы — сокол, а с другой — соколица.
 Сам таился, да целовались.

• • •
 Ходит рыжичек по ельничку,
 Ищет белую беляночку.

• • •
 Комар пищит, да сто рублей тащит.

Идет свинья из Питера,
 Вся свинья иглами истыкана.

На новый год да сосновый гроб.

На семи лошадях бревно везут.

Пшеничному зернышку погубели нет.

На корыте сидит, да корысти ждет.

На полке блины да помазаны.

Рюмочка-припевушечка,
 Куда приплывет, тут и всех приживет.
 (Калинина А. П., 1925 г. р., Королева Ф. П.
 1927 г. р., д. Гудково, Поназыревский район, запись
 Мельковой Л. А., 1992 г.).

Публикация по материалам, собранным сотрудниками Нерехтского, Галичского, Шарьинского, Поназыревского районных Домов культуры Костромской области.

Егорьев день

Среди весенних праздников выделяется Егорьев день (24 апреля) — день первого выгона скота. Это был праздник пастухов, которые собирались группами, играли на рожках.

Нерехтские пастухи в этот день готовили для совместной трапезы яичницу, собирались вместе, чтобы провести своеобразную «рожечную переключку», причем каждый старался как можно лучше показать свое умение играть на рожке. Ведь крестьяне выбирали для своей деревни такого пастуха, который был самым искусным рожечником и лучше всех знал пастушьи наигрыши и сигналы.

(Из рассказа Невредимова И. П., 1925 г. р., г. Нерехта, запись Горшковой Е. Н., 1991 г.).

Егорьев день отмечали торжественно: с крестным ходом, песнями, рожечными наигрышами. При этом употребляли различные магические средства для того, чтобы домашние животные были здоровы, плодились и приносили хозяевам благополучие и богатство. Одним из таких магических обрядов были так называемые «Егорьевские окликация», которые исполнялись разными группами у каждого дома. Хозяева должны были чем-либо одарить окликальщиков, чтобы получить в ответ окличку-благопожелание. Если же хозяева скупались, то им пели припевки с шуточными угрозами.

Мы приводим два варианта Егорьевских окличек.

1.

Мы ранешенько вставали,
Белы лица умывали,
Полотенцем утирали;
В поле ходили, кресты становили,
Кресты становили, Егорье вопили.
Батюшка Егорий, Макарый преподобный,
Спаси нашу скотину, всю животину
В поле и за полем, в лесе и за лесом.
Волку, медведю, всякому зверю —
Пень да колода, за полем дорога.
Тетушка Анфиса, скорее пробудися,
В кичку нарядися.
Подай нам по яичку, подай по другому.
Первое яичко — Егорию на свечку,
Другое яичко — за труды, за Егорьевские.
Дай тебе бог подольше пожить,
Побольше нажить:
Двадцать телушек, все годовушек,
Десять быков, все годовиков,
Все полуторовиков.

* * *

Дай тебе бог подольше пожить,
Да побольше нажить:
Вшей да мышей,
Таракахов до ушей.

(Постенков А. М., 1921 г. р., с. Федорозское, Нерехтский район, запись Горшковой Е. Н., Сергеевой Н. В., 1991 г.)

II.

Господин, сударь, хозяин с хозяйшкой,
Встань, пробудися,
Умойся, укройся,
Для нас потрудися.
Мы сегодняшнюю ноченьку
Не спали, не дремали,
По утру ране вставали,
Белы лица умывали,
Полотенцем утирали.
Уж мы, красные девушки,
Круг поля ходили,
Егорья величали,
Макарья встречали,
Николу величали.
Уж ты, батюшка Егорий,
Макарый преподобный,
Спаси нашу скотинку,
Спаси и сохрани.
В поле и за полем,
В лесе и за лесом,
За лесом-лесами,
За крутыми берегами,
За быстрыми реками,
Пень да колода,
Белая береза.
Нашей матушке-скотинке
Здоровья молили.
Травка-муравка,
Зелененький лужок,
Шелковый поясок.
Телка в речке напьется,
Домой поплетется.
Троим, двоим, давно стоим,
Дожидаемся, спасаемся.
Подавайте яйцо
Через правое плечо.
Богу — на свечку,
А нам — по яичку.
Превеликому Егорию —
Три копейки серебром.

* * *

Благодарим тебя, хозяин с хозяйшкой,
На добром слове, на честном подаянии.

Дай тебе Господи,
Подольше пожить,
Да побольше нажить:
Сто бы коров,
Девяносто быков,
Двадцать бы куриц,
Да десять петухов.

* * *

Дай тебе Господи
Вшей да мышей.

(Зарубина П. И., уроженка д. Якозлезо, с. Георгий, Чухломский район, запись Дульцевой З. Н., Феопентовой Т. И., Волковой Т. И., Бобровой Г. А.)

Забутые песни

«...Памятники материальной культуры стоят на месте, лежат в витринах музеев; а такая же древняя, такая же прекрасная народная песня пролетает и тает в воздухе. Мы охраняем то, что видим. А почему же не охраняем того, что слышим?»

(Колпакова Н. П. Песни и люди. Л., 1977.)

Песнями сопровождался каждый праздник, без песен не обходились ни гулянье, ни посиделки. Весной девушки начинали водить хороводы на улице, петь весенние песни. Конец весны, начало лета отмечал прекрасный праздник Семик, Троица («Зеленые святки»), когда в зелени утопали дома и улицы, когда украшали венками и славили березку, когда хороводам и песням не было конца. Еще живы воспоминания о праздновании Ивана Купалы, еще напоминают о древних играх в честь Солнца-Ярилы костромские топонимы: «Ярилина горка», «Ярилки», «Ярилина плешь». Пролетало лето — время хороводов, гаданий о будущем урожае, о судьбе и, конечно, о любви; проходила осень — время живых обрядов и песен. Наступали холода, и люди уносили свои песни в дома, чтобы следующей весной опять выпустить их на волю, как соловейку, о котором поется в песне:

В

ыходили красны девицы.

Все весной гулять да на улицу,

Все весной гулять да на улицу,

Да выносили раскрасавицы,

Да соловейку на белых на руках.

Соловейку да на рученьках,

Соловейку засвистал,

Соловейка громко посвистывал,

Добрый молодец да поигрывал.

А милые девушки да гулять пошли,

Милые девушки да гулять пошли,

Все молодухи да заплакали,

Во слезах слово молвили,

Во слезах словушко молвили.

Милым девушкам да наказывали,

Да покрасуйтесь да вы, девушки,

Пока воля есть у родителей,

Да у кормильца да у панюшки,

У кормилицы да у мамоньки.

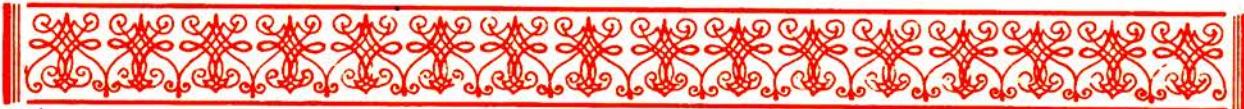
Во чужие люди да выдадут,

Да не ровен то час, — пес да достанется,

Либо вор, либо горькая пьяница,

Да молодой, да ревнивый.

Своего да мужа тешила.

Среди полюшка я повесилась
 Да на тонкую осинушку,
 Да я на самую-то вершинушку.
 Да вот вершинушка-то качается,
 Да старый пес величается.
 Старый пес да удушливый.
 Своего да мужа тешила.
 Среди полюшка я повесилась.

(Крылова А. П., 1912 г., р., д. Сергеево, Чухломский район, запись Дулецевой З. Н., 1991 г.).

В

чистых полях растет трава.
 Ле-лю, ле-лю, растет трава.
 Растет трава шелковая.
 Ле-лю, ле-лю, шелковая.
 Цветут цветы лазоревы.
 Ле-лю, ле-лю, лазоревы.
 Сорву цветок, совью венок.
 Ле-лю, ле-лю, совью венок.
 Совью венок милу дружку.
 Ле-лю, ле-лю, милу дружку.
 Милу дружку на головушку.
 Ле-лю, ле-лю, на головушку.
 Носи, милой, не скидывай.
 Ле-лю, ле-лю, не скидывай.
 Люби меня, не забывай.
 Ле-лю, ле-лю, не забывай.

(Павлова О. Ф., 1907 г., р., с. Григорцево, Нерехтский район, запись Горшковой Е. Н., 1990 г.).

Л

а горе-то лужок зеленешенек,
 Ой, у меня дружок молодешенек.
 Ой, люли, люли.
 Ой, мы пойдем с дружком,
 Да разметим лужок,
 Да заведем кружок.
 Ой, люли, люли.
 Ой, мы со песенками, со веселыми,
 Ой, люли, люли, да со веселыми.

(Соловьев П. Н., 1907 г., р., д. Тодино, Кологривский район, запись Соловьевой Н. А.)

К

ак под ле-, под лесом, под лесочком,
 Под туре-, турецким городочком
 Долина была.
 Эх, широка она.
 Долина была, широка она.
 Как по э-, по этой по долине,
 По этой по широкой
 Цветики цвели,
 Эх, лазоревые.
 Цветики цвели лазоревые.
 Как по этим по цветочкам,
 Как по э-, по этим лазоревым
 Пастушок пасет,
 Эх, стадо стережет.
 Пастушок пасет, стадо стережет.
 А из ле-, из леса, из лесочка,
 Да того, того ли из темного
 Девушка идет.
 Эх, красная бредет.
 Девушка идет, красная бредет.
 Несет в ручках,
 в ручках два веночка,
 Два лазо-, лазоревых цветочка
 Себе да ему,
 Эх, другу своему.
 Себе да ему, другу своему.
 Пастух, пастух, пастух, пастушочек,
 Пастух ми-, ах, миленький дружок.
 Не споконь меня,
 Эх, я в лесу одна, я в лесу одна.

* * *

Л

емлюшка — чернозем, чернозем,
 чернозем, чернозем, чернозем,
 То ли, се ли, ну по что ли, говорят,
 что чернозем.
 Посеяли девки лен, посеяли девки лен,
 То ли, се ли, ну по что ли, говорят, что сеяли.
 Посеявши, полоти, посеявши, полоти,
 То ли, се ли, ну по что ли, говорят, что полоти.
 Со полотьа домой шли, со полотьа домой шли,
 То ли, се ли, ну по что ли, говорят, что домой шли.
 Им да навстречу молодцы, им навстречу молодцы,
 То ли, се ли, ну по что ли, говорят, что молодцы.
 Не бояре — все купцы, не бояре — все купцы,
 То ли, се ли, ну по что ли, говорят, что все купцы.

(Павлова О. Ф., 1907 г., р., с. Григорцево, Нерехтский район, запись Горшковой Е. Н., Сергеевой Н. В., 1990 г.)

* * *

М

равка-муравка лазоревая.
 Знаю, что по травушке не хаживати,
 Знаю, что по травоньке не хаживати,
 Кудрява за рученьку не важивати.
 Кудря ты, кудря, кудрява голова.
 Что у нас была свекровушка люта, дак и люта.
 Что у нас была свекровушка люта, дак и люта —
 На гулянье не отпустит никуда, никуда.
 Хоть она отпустит, дак при вечере,
 При вечере, дак при вечерней при заре.
 При вечере, дак при вечерней при заре,
 Травочку на лавочку, башмачки под кровать,
 Сама — скок на кровать, за баского парня спать.
 Сама сскж на кровать, за баского парня спать,
 Петухи спсли, — лежу-полежу,
 Другие спели, — еще полежу,
 Третьи спели, и заря занялась.
 Третьи спели, и заря занялась,
 Заря занялась, — домой поднялась.
 Ехали робята из мала города,
 Видели девушку с висока терема.
 — Чья ты, девича, откудава?
 — Меня мать родила, да меня поп крещал.
 Меня мать родила, да меня поп крещал,
 Меня поп крещал, да Окулина имя дал.

(Лобанова С. Н., 1922 г., р., д. Низкая грива, Павинский район, запись Баранова Н. А., 1990 г.)

К

ак по реченьке яр хмель вкруг
 кусточка вьется.
 Перевейся-ко, яр-хмель,
 на мою сторонку.
 На моей-то на сторонке

приволье большое,
 Что привольице большое — зеленой садочек.
 Пойду в садик разгуляться, нащиплю я хмелью,
 Что я — хмелью ярового, наварю я пива.
 Что я — пивушка хмельного, приведу я гостя,
 Что я — гостя дорогого — батюшку родного.
 Мой-от батюшка пьет, пьет, пьет, да не напьется,
 Что он пьяный не напьется, домой соберется.
 (Плешкина С. И., 1919 г., р., д. Ковалево, Нерехтский район, запись Горшковой Е. Н., Сергеевой Н. В., 1991 г.).

* * *

В

хороводе людей мало.
 Разгуляться не с кем стало.
 Эй, братцы, мало нас.
 Ты, девушка, выйди к нам
 Во зеленый сад гулять.
 Ты, девушка, выйди к нам
 Во зеленый сад гулять.
 Эх, в хороводе людей мало.
 Разгуляться не с кем стало.
 Эх, братцы, мало нас.

Ты, молодчик, выйди к нам
Во зеленый сад гулять.
Ты, молодчик, выйди к нам
Во зеленый сад гулять.

Из-за лесика, леса темного,
Из-за садика, саду зеленого
Тута шли, да шли два то молодца,
Оба холосты.

Они вместе шли, не бранились,
Они грозь пошли, да поссорились
Об одной душе — красной девице.
Красна девица выходила к ним,
Красна девица выходила к ним,
Говорила им:
Вы не ссорьтесь, да не бранитесь,
Вот вам мой платок,
Киньте жеребий, —
Кому достанется.
Доставалось парню бравому —
Лицу румяному.

(Короткова М. А., 1930 г. р., д. Калинки, Судиславский район, запись Гречухиной Г. Ю., 1982 г.).

ИНТЕТЮРИХА

Мастера была калачики лепчи,
Мастера была подмазывать,
Молодых ребят подманывать,
Вы пошьте-ко, покушайте,
Моих басенок послушайте.

У меня басни хорошие всегда,
У хороших-то хороши мужовья.
У меня-то муж Егорушко
Купил бурюю коровушку,
Завязал мою головушку,
Уж я сяду под коровушку,
Зареву во всю головушку:
Ты, медведь, ты мой батюшко,
Задери мою коровушку,
Развяжи мою головушку.

(Рогачева В. В., 1930 г. р., с. Павино, Павинский район, запись Барановой Н. А., 1991 г.).

Лускай люди Сашу судят,
А я, детка, не того,
А я, девка, не того, влюбилась в одного,
А я, девка, не того, да влюбилась
в одного.

Влюбилась, вверилась, я страдаю за него,
Влюбилась, вверилась, я страдаю за него,
Я страдаю, да не знаю, за что мил меня забыл,
Я страдаю, да не знаю, за что мил меня забыл,
Он забыть-то не забыл, знать иную полюбил,
Он забыть-то не забыл, знать иную полюбил,
Та иная любляная чем же лучше меня?
Та иная любляная чем же лучше меня?
Разве чем только получше — побелее на лицо,
Разве чем только получше — побелее на лицо,
Побелее, порезвее, чисто ходит, хорошо,
Побелее, порезвее, чисто ходит, хорошо,
Что же, что ж, моя милая, во беседе сидела,
Что же, что ж, моя милая, во беседе сидела,
Во беседушке сидела, тонку прялицу вила,
Во беседушке сидела, тонку прялицу вила,
Пряжа вьется, сердце бьется —
перемены в лице нет,
Перемены в лице нет, —
не глядят глаза на свет.

(Козлова А. И., 1919 г. р., д. Крутая гора, Нерехтский район, запись Горшковой Е. Н., Сергеевой Н. В., 1991 г.).

Мимо сада, мимо сада, мимо зеленого,
Ой ли, ой люли, мимо зеленого,
Тута шел-прошел молодчик не женатый
— холостой,
Ой ли, ой люли, не женатый — холостой.
Он не первый раз идет, останавливался,
Ой ли, ой люли, останавливался,
Останавливался, сам причасывался,
Ой ли, ой люли, сам причасывался,
Сам причасывался, ее спрашивался,
Ой ли, ой люли, ее спрашивался,
Почему, моя милая, долго в саде не была?
Ой ли, ой люли, долго в саде не была,
Или ты, моя милая, недовольна мной была,
Ой ли, ой люли, недовольна мной была,
Мною чванилася, со мной не кланялася,
Ой ли, о люли, со мной не кланялася,
Мальчик девушке — поклон и платочек из рук вон,
Ой ли, ой люли, и платочек из рук вон,
Подними, моя милая, бел декосовый платок,
Ой ли, ой люли, бел декосовый платок,
Наклонилась, подняла, во белы руки взяла,
Ой ли, ой люли, во белы руки взяла,
Изволь, миленький, принять и со мною погулять,
Ой ли, ой люли, и со мною погулять,
Мимо сада, мимо сада, мимо зеленого,
Ой ли, ой люли, мимо зеленого.

(Козлова А. И., 1919 г. р., Земскова А. Г., 1924 г. р., с. Ковалево, Нерехтский район, запись Горшковой Е. Н., Сергеевой Н. В., 1991 г.).

Долина долинушка, долина широкая,
Э-ей, это што — долина широкая,
По этой долинушке гуляет детинушка,
Э-ей, это што — гуляет детинушка,
Гуляет детинушка, Коля-сиротинушка,

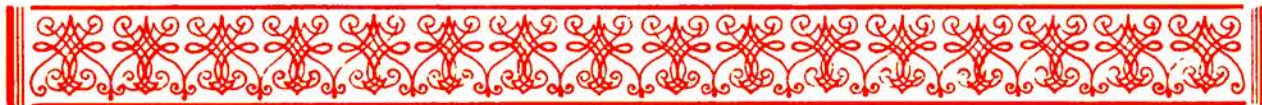
Э-ей, это што — Коля сиротинушка,
Увидела маменька из крыльца высокого,
Э-ей, это што — из крыльца высокого,
Родимое дитятко, што ходишь невесело,
Э-ей, это што — што ходишь невесело,
Родимая маменька, чаму веселитися,
Э-ей, это што — чаму веселитися,
Ходи во беседушку, выбери невестушку,
Э-ей, это што — выбери невестушку,
Без белила-то бела, без мазила румяна,
Э-ей, это што — без мазила румяна,
Без мазила румяна — та невеста твоя,
Э-ей, это што — та невеста твоя.

(Козлова А. И., 1919 г. р., Земскова А. Г., 1924 г. р., с. Ковалево, Нерехтский район, запись Сергеевой Н. В., 1990 г.).

Летай-ко, сокол, высоко,
Да не маши-ко крылом во терем,
Не маши-ко крылом во терем,
Да что во тереме бояре сидят,
Да что во тереме бояре сидят.

Что большой-от то — государинушко,
Что большой-от то — государинушко,
Да он по терему похаживает,
Да он по терему похаживает,
Да калену стрелу налаживает,
Да калену стрелу налаживает,
Да ты лети, лети, каленая стрела,
Ты лети, лети, каленая стрела,
Да ко вдовушке во широкий двор,
Да ко вдовушке во широкий двор,
Да у вдовушки была дочь хороша,
У вдовушки была дочь хороша, —
Что да Марья-то Ивановна.

(Смирнова У. А., 1911 г. р., д. Горлово, Поназыревский район, запись Подшиваловой А. В., 1982 г.).

ПРИГОТОВЛЕНИЕ СОЛОДА

Рожь свежую замачивают на две ночи. Потом выкладывают на доски или на пол для проращивания. Хорошая рожь так вся и сольется. Растирают ростки (по несколько человек сидели растирали), затем складывают в кучу по 8—10 пудов. Укрывают одеждой, чтобы согрелась (солодят). Если ржи немного, то кладут кучей на печь. Через 2—3 дня она становится сладкой. Затем рожь сушат. Если ее много, то сушат на овине с подлазом. Под овинным яма, потолок замазан глиной. В одном месте щелка 5—6 см. Разводят костер под овинном и дымом сушат рожь. На потолок (пол) кладут сначала колосники, на них солому, на нее рожь. Потом рожь чистят, продувают от соломы. Везут на мельницу — мелют, делают солод.

ТЕХНОЛОГИЯ КОРЧАЖНОГО ВЯТСКОГО ПИВА

Солод замешивают в бачке или бочке вместе с мякиной, которая остается от овса. Потом разводят кипятком и в корчагах ставят в жаркую печь [как только протопится] 5—6 корчаг. Утром все перемешивают и сливают в корыто. Корыто делают из осины длиною с диван, в одном конце отверстие с пробкой. На низ в корыто поперек кладут палочки, чтобы они ложились на края корыта через 5 см. На палочки кладут солому, жатую руками. Затем из корчаг выкладывают гущу на солому и заливают горячей водой. Под пробку ставят ведро. Стечет жидкость, кладут другую порцию. Это называется сусло. В сусло кладут хмель и снова ставят в печь. Хмель придает аромат и вкус, горечь убивает микробы квашения. Потом вынимают из печи, сусло с хмелем сливают в большую карку и прибавляют дрожжей. Пиво ходит сутки, хмель всплывает наверх. Пиво процеживают, и пиво готово.

[Мочалов Н., с. Павино. Запись Кумовой Т. Н., 1991 г.]

ТЕХНОЛОГИЯ «ТЧАННОГО» ПИВОВАРЕНИЯ (ЧАННОГО)

Для варки пива нужно приготовить «тчан» (чан). В тчане делаем отверстие, внизу — затычку. Делаем из сухих еловых сучьев мелких, так называемую «метлу». Собираем мякину — это отходы от сжатой пшеницы. Еще нужно приготовить камни, обложить их дровами, зажечь, раскалить их до такой степени, что некоторые даже лопаются. Приготовить кипяченую воду. Когда все готово, нужно надеть затычку (метлу в тчане), т. е. тчанное отверстие закрыть метлой, затем в тчан положить мякину (отходы от пшеницы), потом кладем солод и заливаем кипяченой водой, затем бросаем туда раскаленные камни. Все это вместе начинает бурлить до той степени, пока сусло не становится светлым, когда все отстоится, примерно через 3—4 часа сливаем в корыто

по желобку, потом кипятим в бачках с хмелем (на пуд солоду 1 кг хмелю). Если нужно добавить сахар, то добавляем. Когда все это остывает до 20—30 градусов, снова сливаем в тчан и пускаем в него «мастера» (мелкоосадок, оставшийся от ранее сваренного пива). (Мастер: из суслу и хмеля). Потом должно все пиво заходить, время хода 2 суток.

(Голышев В., с. Павино. Запись 1992 г.)

ПРИГОТОВЛЕНИЕ СЫРА

Взять: 2 кг творогу, 500 г сахара, 600 г масла, 500 г сметаны, 8 желтков, изюма.

Протереть сквозь сито творог и масло, прибавить сахар, стертый с желтками, прибавить изюм. Смешать всю массу как следует и положить в деревянную форму «песочницу», выложенную внутри тонким чистым полотенцем или марлей.

Положить дощечку и на нее очень тяжелый груз. Перевернутую форму надо поставить острым концом вниз в какую-нибудь банку или кастрюлю, чтобы было куда стекать отжимаемой жирности.

[Дубова А. И., 1915 г. р., с. Федоровское, Нерехтский район. Запись 1991 г.]

ХЛЕБ

Ржаной хлеб: 4 сита муки, 2 литра воды, 3 щепотки соли. В квашню сыпали просеянную муку, лили воду, добавляли соль. В тесто клали закваску, замешивали каравайки. После выкисания творили. Всю квашню оставляли прикрытой полотенцем до утра. Когда тесто подойдет, его вымешивали. Месили до тех пор, пока не отстанет от рук. А потом катали каравайками и клали на капустный лист. Подойдет каравай, его сажали на лопате в русскую печь.

ХОЛОДЕЦ

Палили телячью голову, рубили на куски и ставили сушить в русскую печь. Когда она высохнет, ее хранили до лета. Летом варили в плошках куски этого мяса, а потом его разделявали. Когда все было готово, его мелко резали ножом, складывали в плошки и заливали бульоном. На следующий день холодец был готов.

КВАС

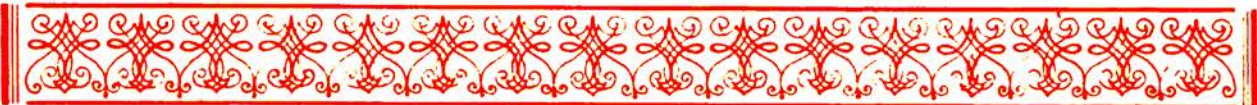
Для кваса нужны квасница, мякина, солод, вода теплая. В квасницу положить распаренную мякину с солодом и залить теплой водой. Закисать квасу требуется три дня.

ОКРОШКА

Для окрошки требуются: яйца, мясо, лук, хрен, квас, сметана. Все это режется в плошке, а затем заливается квасом. После этого кладется сметана. И окрошка готова.

(Оборотова В. П., 1927 г. р., д. Б. Девушкино, Поназыревский район. Запись Мельковой Л. А., 1991 г.)

Рецепты старой русской кухни

Сусанинские гончары

Промыслы и ремесла

ТАК было, так есть, так будет. Из рук мастера упадет кусок теплой, согретой солнцем и руками человека податливой глины на гончарный круг, зазмеется кромка его, сливаясь в одну линию, а в центре, вырастая кверху, поднимется послушный чутким пальцам мастера сосуд — колокол земли. Жаркий огонь даст ему крепость, силу и голос. Коснитесь теперь деревянной палочкой выпуклости. Это не просто звон. Это звучит мелодия земли русской, звучит легко, радостно, неповторимо. Ох, как славилась своими мастерами-гончарами сусанинская, тогда еще молвитинская земля, особенно ее буяковская сторона. Уж никто лучше буяковцев да мастеров из окрестных деревень — Петровского, Сергеева, Ильинского не умел слепить знатную корчагу, в которой пива можно было наварить сразу на целый праздник, сотворить целую грудку разных кашников, в которых ставили в русскую печь кашу — пищу нашу, и старому, и малому, вылепить узорный причудливый умывальник, чтобы было приятно красной девке красоту лица осветлить. А опа-

рницы, пивницы, квасницы, кринки разные и кувшины.

Вот все это и умели наши гончары. Этим промыслом здесь жили, им же кормились, хотя занимались этим только мужчины в свободное от полевых работ время. Лучшие гончары жили в Петровском. В конце прошлого века двадцать семь дворов этой деревни занимались гончарным промыслом ли, искусством ли — как провести здесь грань, когда невольно всякий раз поражает тебя творение далекого мастера.

Сусанинские гончары использовали исключительно местную глину, заготавливали ее обычно с наступлением холодов. Не всякая глина в дело шла, места глинодобычи находились порой очень далеко, для добычи ее рыли широкие и глубокие ямы, добираясь до гончарного слоя. У домов глину держали прямо в открытом виде, на воле. В деревнях Петровское и Сергеево мастера пользовались нежирной глиной без примеси песка. И на возах и просто на санках в Буй на ярмарку везли сотни предметов гончарного ремесла-искусства. Посуда кухонная,

Житель д. Петровское В. К. Веселов за старинным гончарным кругом. 1988 г.

посуда для хранения продуктов, корчаги под пиво, звонкие горшки разных размеров, кринки для молока, плошки для варки мяса и рыбы, опарницы, полевые горшки, которые часто делались двойными, у них была «дужка», то есть ручка дугой. Все эти изделия отличались друг от друга формой, размерами, отделкой, но в каждом из них чувствовался почерк мастера.

Почти полный ассортимент традиционной посуды в 1970 году выполняли мастера А. Зайчиков и П. Иванов. Эти два мастера продолжали работать с глиной и после войны, когда гончарный промысел в буйковской округе стал угасать.

Костромским мастерам были известны два типа гончарных кругов, так называемые легкий и тяжелый. Диаметр легкого круга, на котором работали мастера в Молвитинской волости, небольшой, 25—30 сантиметров, а толщина его 2—3 сантиметра. Но прежде чем глине попасть на гончарный круг, ее долго и тщательно, а порою и скрытно готовили. Скрытно потому, что недобрый сосед, гончар-соперник, незаметно мог бросить в глину горсть льняного семени, к примеру. В глине его не видно, пальцам его не слышно. А после обжига всю партию приходилось выбрасывать прочь. Когда все было налажено, глины наготовлено в достатке, принимался гончар за дело.

С круга сосуд срезался грубой льняной ниткой или тонкой проволокой, посуду ставили на лавки и сушили обычно двое суток. Досушку же изделий производили в жарко натопленной печи. И только после, когда посуда была хорошо просушена, ее подвергали обжигу.

Для обжига посуды строили специальную большую печь, еще недавно последняя такая печь была и в деревне Петровское. Изделия для обжига, как правило, закладывали на ночь в предварительно протопленную печь, а с утра печь начинали топить снова. В большинстве случаев изделия оставляли в печи до полного остывания. Но лишь обожженные изделия — еще не посуда. Каждый мастер стремился, чтобы его изделия были красивые, изящные, с блеском. Для этого и наносился орнамент, для чего использовался мел. Наши гончары пользовались двумя способами украшения по-

суды: обварным и поливным. Еще перед обжигом посуда с этой целью поливалась сурком и порошкообразным свинцом. И выходили из печи горшок ли малый, корчага ли двухведерная — гладкие, блестящие, радующие и глаз, и душу. Вот так и работали наши мастера-гончары, и славились умением добрым на всю округу.

Гончарный промысел начал угасать в шестидесятых годах, когда в магазинах стало много эмалированной посуды, появился даже фарфор. А в печи хозяйки стали ставить чугуны — они не кололись. И молоко стали разливать в стеклянные банки. Может, и не так уж плохо это, но все же жаль глиняную кринку и уютный кашник, и добрую квасницу, что поили и кормили русского человека испокон веку.

Может быть, и о нашем, петровском гончарном центре никто и не вспомнил до сей поры, кабы не дело интересное, может, забава, а может, нет. У каждого ребенка в детские годы были свои игрушки. Были они и у наших предков. Наряду с изделиями, пользующимися спросом в хозяйстве, петровские гончары на забаву своим детям и внукам лепили различные фигурки зверюшек, птиц, гармонистов, бадалаечников, барынь расписных — кто что умел, кто что лучше выдумает. А чтобы веселее было, игрушки

такие устраивали хитро — со свистком. Подуешь в нее, и раздается звонкая трель, у каждой игрушки своя, неповторимая.

Не каждый мастер любил делать игрушки.

Павел Алексеевич Иванов впервые взялся за глину, когда ему было 9 лет, и очень скоро под руководством своего отца Алексея Ивановича в совершенстве овладел ремеслом. Свистульки, сделанные умелыми руками Павла Алексеевича, не раз экспонировались на выставках изобразительного творчества как в нашей стране, так и за рубежом.

П. А. Иванов умер в 1984 году. Со смертью единственного хранителя традиционного местного искусства, казалось бы, ушел в предание промысел, сохранивший древнейшие приемы гончарного ремесла: ручной круг, обжиг в русской печи и изготовление посуды налепом.

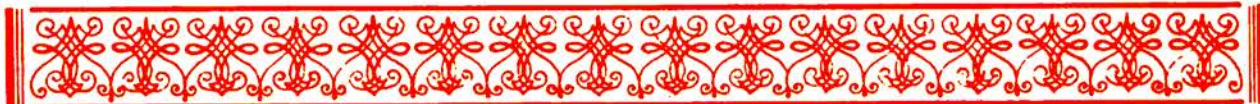
Но... два года назад сын Павла Ивановича, Вячеслав, решил возродить у себя на родине дело, столь любимое отцом. Долго не решался Вячеслав Павлович подойти к отцовскому гончарному кругу, так как, по его словам, многие секреты отца трудно ему сейчас вспомнить. И все же решился, накопал, привез глины и вылепил первые игрушки-свистульки, облил их оставленной еще отцом глазурью. Потом еще игрушки, и еще. Их стали охотно покупать.

В деревне Петровское живет Валентин Константинович Веселов. Он всю жизнь работал в колхозе, был бригадиром. С выходом на пенсию появилось у Валентина Константиновича больше свободного времени, и тогда он тоже поставил дома гончарный круг, доставшийся ему от отца.

Когда смотришь, как ловко они управляют с гончарным кругом, как быстро превращается спелая глина в их руках в ладный горшок, кринку, опарницу, то не может не прийти в голову мысль, что не все еще потеряно, далеко не все. А многое уже вновь обретено. Для нас с вами, для наших детей, внуков вновь зазвучит мелодия земли. И так будет.

Сергей ПОТАПОВ.

Сусанинский район.

Секреты павинской глины

Был я на копани,
 Был я на топани,
 Был я на кружале,
 Был я на пожаре.
 Пока молод был,
 всех людей кормил,
 Стар я стал, пленаться стал.

Для производства используется очень вязкая глина двух видов: красного цвета и синеватого. Первая находилась в 3-х километрах от деревни Палощник в лесу. Синюю глину можно было встретить гораздо реже: в обрывах-угорах, у речки. Изделия из этого вида глины очень прочные и долго хранятся, до 60 и более лет. Глина должна быть без всяких примесей. Приготовленную глину кладем на разостланную льняную постилаху. Мочим с венника равномерно водой. Потом начинаем месить глину голый ногой, лямкой. Месить надо до тех пор, чтобы глина стала как тесто, мягкая и вязкая, не рвалась несколько часов.

Для следующего этапа работы используется кружало — гончарный круг. На деревянной скамейке устанавливается деревянный круг. В круг вставляется стальной стержень. Он опирается в поперечину скамейки, на которую для прочности наколочена стальная пластина. Рабочая часть круга — самый центр. В центре есть пометка, очертание, по которому определяется дно посуды.

Берем кусочек глины, раскатываем его и формируем небольшой брусок (жгут). Берем еще один кусочек, разминаем и придаем форму круга (дно будущего изделия). Для работы на руку наматывается прочная льняная тряпка (мокруша). Ее периодически макают в чашку с водой, чтобы мочить глину. Ко дну изделия прикладываем жгут, мочим водой, вращая круг правой рукой вправо, примазываем. Если жгут кончился, берут следующий жгут и прикрепляют к первому, предварительно смочив водой. Так формируется будущее изделие с определенными венчиками.

Следующий этап — сушка изделий. Для этого используются полки-полаты с расстоянием между досками — 50 см, для того, чтобы можно свободно поставить и снять изделия. Сначала изделие ставят на доньшко, через сутки переворачивают вверх дном. При этом периодически поворачивают разными сторонами, т. к. полки были у печки, а изделия должны были равномерно просохнуть. Готовность высушенного изделия проверяется следующим образом. Взять гор-

шок за край. Если не гнется, не ломается, значит изделие просохло. За один раз делают партию от 2 до 3—4 сотен горшков.

Следующий этап — покрытие свинцом. Каждую посудину изнутри смазываем тряпочкой, смоченной паровым дегтем. На деготь посыпаем свинец через очень мелкое ситечко. Смазанные горшки ставим один в другой.

Прокаливание (обжиг) — следующий этап производства. Раньше место, где проводился обжиг, называлось завод. В небольшой избушке, баньке стояла печь для обжига. В основании печи — прямоугольник. Через 50 см вверх начиналось сужение печи по конусу. Наверху было отверстие прямоугольной формы для того, чтобы смотреть, готова или нет посуда, раскалилась или нет. Отверстие поднималось до самой крыши. Крыша у завода была прямая, с небольшим наклоном. Внизу печи под рядом кирпичей — небольшие чельшики, куда клали дрова. Между кирпичами отверстия, через которые проходит тепло в печь. Дрова длиной в 1 метр и должны быть очень сухие, чтобы было больше жары. Температуру нагоняли постепенно, чтобы посуда сразу не растрескалась. Топили печь до тех пор, пока вся посуда не будет огненно-красного цвета, даже прозрачная, чтобы от нее летели искры.

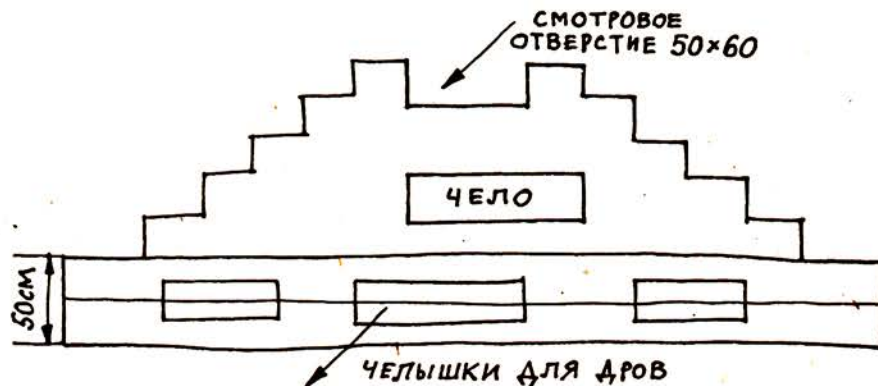
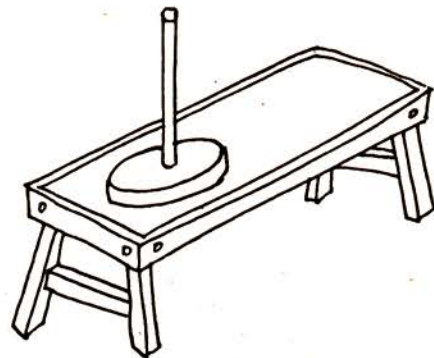
В печи было чело, которое закладывалось кирпичами и замазывалось глиной. Чело должно быть достаточно большим, чтобы достать любой угол в печи.

Посуда остывала в печке примерно сутки. Отверстие печи вверху прикрывали после выхода большой жары досками, чтобы в печь не попал влажный воздух.

После того, как печь остынет, а значит остыла и посуда, изделия вынимали. Чело для этого разбиралось.

Посуда готова к употреблению и продаже.

Интересная технология гончарного производства, записана со слов Анны Тихоновны Савиной из д. Палощник Павинского района.

Технология плетения корзин

Материал заготавливается с половины мая до середины июня, берется ива, она растет по реке, ивы бывают разные, но берется белая ива. Затем она сушится на иссух, чтоб не испортили, сушат на солнце, при хорошей погоде хватит 3-х часов, затем связывают в пучки.

Перед плетением размачивают в котле, застрагиваются концы. Корзина плетется сверху. Для начала делается кольцо, на кольцо нужны стоячие вицы, виц на кольцо 32 шт. К кольцу на стоячие вицы через одну горизонтально с внутренней и наружной стороны, чередуясь, плетутся вицы вкруговую, так плетем до нужной

высоты корзины, затем плетется дно из стоячих, оставшихся концов виц. Ручка плетется в последнюю очередь из черемухи.

(Рябов М. М. Павинский р-н, пос. Шайма. Записано Кунимовой Т. Н., Барановой Н. А.).

Выделка берестяного пестеря

Береста берется с молодых ровных берез, растущих в смешанном лесу. Заготавливать можно хоть круглый год, лишь бы дерево было оттаявшее. Если береста берется осенью, получается красное, если летом — белое. Береста сдирзется кругом с березы ко-

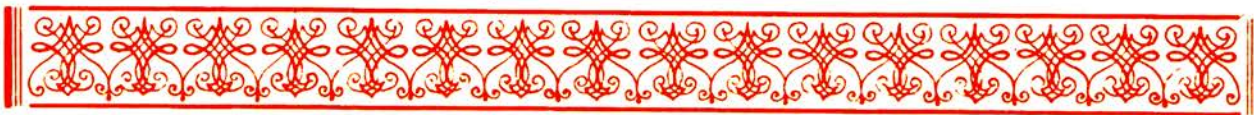
точигом, сделанным из сухого сучка и остро заточенным.

Потом бересту чиним, затем мочим в теплой воде 4 часа. И начинаем сам процесс плетения. Плетем снизу (со дна). Берем 20 полосок, длина лыка 2,5 метра, ширина всех лык одинаковая. Оставшиеся концы вверху загибаем и заплетаем. Обруч делаем из липовой коры, она заготавливается только летом. Крышка делается накладная отдельно от пестеря, потом накладывается на обруч. Лямки изготавливаются из липы. При работе используется инструмент коточиг — металлический, изогнутой формы предмет, с одной стороны заостренный, с другой закругленный. Емкость полученного пестеря из такого количества лык примерно 2 ведра. Пестери использовали и сейчас используют для переноски продуктов и других вещей, вместо рюкзака, на большие расстояния.

(Технология плетения Поспелова М. И. Записано Кунимовой Т. Н., Барановой Н. А., с. Павино).

Крестьяне Солигаличского уезда. Фото С. А. Орлова. Начало XX в.

Тканое творчество

Выйдя на пенсию, Надежда Павловна Чигарева всерьез занялась ремеслом. Человек она в Павине известный.

Первые половики мастерица ткала по-кижовному (односторонние), т. е. рисунок был только на одной стороне. Для этого при ткани из 4 чапок (подножек) 1 чапок опускается вниз, 3 чапка вверх. Основа выходит вверх. Потом стала ткать половики двусторонние, без рисунка. Для этого нужно меньше челноков. Чапки распределяются равномерно: 2 — вверх, 2 — вниз.

Гораздо труднее ткать половики с рисунком на обе стороны. Вот примерная технология ткацкого ремесла.

Тканье половиков

1. Нарвать (настричь) тряпки тоненькими ленточками, если нужно, покрасить.
2. На веретено соскаты (скрутить), а потом смотать в клубки.
3. Нитки для будущей основы на-

мотать на трубицы (круглая деревянная бобина диаметром примерно 30 см). Внутри полая, сверху и снизу поперечных планок, вставленных внутрь трубицы, отверстия, чтобы вставить круглую палку, вокруг которой крутится трубица.

4. На сновальнице снуем основу из ниток.

Вертикально стоит толстая палка высотой 4 м. Палка закреплена сверху и снизу в доски с отверстиями для того, чтобы вращаться. Вверху и внизу в эту палку вставляются крест-накрест штакетины, которые закреплены сверху донизу стойками. Внизу от деревянных вил укреплены рогатины — так называемые цены, по которым определяется, сколько стел будет основано. Начинаем сновать сверху. Для этого к концу одной из штакетин привязываем 2 ниточки вместе. Начинаем движение вкруговую вниз. Дходят до вилошек-цен, где нитки делают в виде восьмеры разворот, и начинают сновать вверх. Потом основу

снимаем. Последнюю нитку завязываем узелком сверху, а снизу тесемочкой продеваем в восьмерку, чтобы не потерять цены. Нитки завязываем в пасмы по 30 ниток. Сверху нитки снимаем и заплетаем плетешком.

5. Собираем стан.

Боховины — станины, на них кладем навою, на навою привязываем восьмерку, где цены. Потом нитки навиваем через пришвицу. В плетень, где цены, пропускаем длинную палочку. На веся вешаем ниченицы, дальше надеваем в бердо. В пришвицу в отверстие пропехиваем приты альник и дотыкальник. Потом пришвицу и навою опускаем вниз. Нитки завязываем по 10 вместе и начинаем ткать. Тряпки с клубков перематываем на челноки.

ЧИГАРЕВА Н. П.

с. Павино.

(Записано Кунмовой Т. Н., Барановой Н. А.)

Бьют холсты. Варнавинский уезд. Дореволюционная репродукция Д. П. ПРЯНИЧНИКОВА.

ЛЮБЕЗНЫЕ ЧИТАТЕЛИ ЖУРНАЛА И ПОЧИТАТЕЛИ СТАРИНЫ!!!

В нашем городе открылось новое и в своем роде единственное торговое заведение — лавка «Костромская старина».

Здесь можно приобрести журналы «Костромская старина» и «Губернский дом», уникальные книги и календари, изданные к 300-летию Дома Романовых:

«Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19—20 мая 1913 года». Кострома, 1914. Репринтное воспроизведение;

«Воспоминания о путешествиях Высочайших особ благополучно царствующего Императорского Дома Романовых в пределах Костромской губернии, в XVII, XVIII и текущем столетиях». Кострома, 1859. Репринтное воспроизведение;

«Сказание о спасении от поляков Михаила Федоровича Романова и о подвиге крестьянина Ивана Сусанина».

Здесь можно выбрать различные изделия костромских умельцев, выполненные по старинным рецептам, — посуду и плетение, вышиванию и вязанию...

Принимаются индивидуальные заказы и коллективные заявки.

Всех, кто интересуется и занимается народными промыслами и ремеслами, просим обращаться в областной государственный архив.

Мы рады тем, кто предлагает, и тем, кто покупает.

Адрес лавки «Костромская старина» — г. Кострома, ул. «Северной правды», 24. Телефоны: 54-59-45, 54-25-58, 54-53-07.

Над номером работали: Татьяна Гончарова, Галина Давыдова, Светлана Гусева, Ольга Кивокурцева, Елена Лейцки, Николай Соловьев.

Редактор Татьяна Войток.
Ответственный секретарь Леонид Маркеев.
Художник Василий Чистов.
Фото из коллекций Андрея Анохина.

Номер подготовлен Государственным архивом Костромской области совместно с областным Домом народного творчества.

*ИЗДАНИЕ
ОБЛАСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА*